

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А
ВОЛОДАРСКАЯ

ОТВЕРГНУТЫЙ **ДАР**

Ольга Геннадьевна Володарская

Отвергнутый дар

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2522885

Отвергнутый дар: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-52785-4

Аннотация

Искусствовед Нина Водянова никогда не верила в колдунов, знахарей и магов, считая их всех шарлатанами, которые только обманывают и дураят наивных чудаков. Не верила, пока не узнала, что в ее роду были настоящие ведьмы и на нее саму наложено любовное проклятие...

Журналист Роман Акимов никогда не верил в колдунов, знахарей и магов, пока сам не влюбился в девушку, обладающую экстраординарными способностями...

Колдун Василий всегда верил в магию и небесные силы, но и они не уберегли его от мучительной гибели. Перед самой смертью ему удалось найти преемника для своего дара. Василий сумел передать сильнейшую энергетику и возможность оказывать влияние на людей и обстоятельства с помощью магии...

Но высшие знания и необычные способности не всегда могут уберечь от маньяка, решившего продолжить эру инквизиции и уничтожать обладателей мистической силы...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	48
Глава 5	59
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ольга Володарская

Отвергнутый дар

Пролог

Колдун чувствовал приближение смерти. Ему достаточно было кинуть один взгляд на обреченного человека, чтобы понять – он не жилец. В этом заключалась его сила... И в этом таилась его слабость. Обладать знанием, недоступным другим, великая честь, но и наказание.

Сейчас колдун чувствовал приближение своей смерти. Он не мог точно сказать, когда она наступит. Через минуту или через час. Он знал одно – смерть близка и прячется где-то в темноте.

Его окружала именно она. Тьма. Но не абсолютная. Белел снег, в небольшом отдалении горели окна домов. Колдун решил: у него еще есть время и он умрет не сейчас.

Это радовало. Но не потому, что он боялся. Просто ему требовалось время, чтобы успеть передать свой ДАР.

Колдуна окликнули. Он обернулся. Знакомый силуэт. И энергетика. Человек взвинчен, несчастен, одинок... Зол! Но не столько на него, сколько на весь мир и свою судьбу. Поэтому его бояться не стоит...

Так подумал колдун, шагнув к окликнувшему его челове-

ку.

Но стоило ему приблизиться, как тот выхватил из-за спины нож с длинным лезвием и изо всей силы вонзил его в грудь колдуна.

Сдавленно вскрикнув, тот упал на снег. В небе громко каркнул ворон. Сидящий на мусорном баке дворовый кот зашипел.

Это были последние звуки извне, которые он слышал. Потом все потонуло в сумасшедшем буханье готового остановиться сердца. Собрав последние силы, колдун заставил его биться медленнее. Ему нельзя было умирать, пока он не передаст свой ДАР...

Часть первая

Глава 1

Нина Водянова отмечала день своего рождения раз в четыре года. А все потому, что родилась двадцать девятого февраля. И, как ни странно, в этом виновата наследственность. Мама, бабушка и прабабушка Нины также появились на свет двадцать девятого февраля. Возможно, остальные предки женского пола тоже, но о них младшая Водянова ничего не знала. Ее бабка в своих рассказах о прошлом семьи доходила только до своей матушки. И та, по ее словам, не отмечала день рождения вовсе. А вот бабушка Нины раз в четыре года все же устраивала застолье. Но в не високосные годы просила себя не беспокоить. То есть принимала устные поздравления или открытки в качестве альтернативы, но если ей пытались преподнести что-то ценное, не брала и говорила, что не будет справлять свой день рождения. А вот ее дочь, Нинина мама, Дарья, обожала праздники. Все без исключения, будь то гражданские или церковные. Но больше всего любила именно день своего рождения. А так как формально он бывал лишь раз в четыре года, Дарья каждое двадцать девятое число любого месяца старалась отметить. По крайней мере, сколько себя Нина помнила, мать всегда так

делала...

Дарья вообще очень любила веселье. Если просто кто-то в гости заходил, она сразу собирала на стол, доставала бутылочку. Она не была алкоголичкой. Неделями не употребляла спиртное совсем. Но если компания собиралась, то она уходила в суточный загул, водку пила, как воду, «лакировала» ее шампанским. В кураже пела, плясала, хулиганила по малости. Дарья и с отцом своей дочери из-за этого развелась. Тот был серьезным, правильным, стремящимся заработать для семьи. Почти все время проводил в командировках. И когда приезжал, а дома заставлял гульбу или ее последствия, сразу уходил в себя и ни с кем не разговаривал, даже с маленькой дочерью. Как будто она тоже была виновата в том, что ее мать не грустила в отсутствие главы семьи...

И та на самом деле не грустила! Как и Ниночка. Муж Дарьи был на пятнадцать лет ее старше. Зануда, трезвенник и приверженец здорового питания. Когда он бывал дома, жена с дочерью вынуждены были питаться, как он, кашами и овощными супами. Если же они изъявляли желание съесть что-то острое, жареное или, не дай бог, мясное, глава семьи пускался в такие нравоучения, что весь аппетит пропадал. Для Нины и ее матери было большой радостью то, что он редко бывал дома. Когда задерживался на неделю-две, Дарья втихаря покупала курицу-гриль, и они с дочкой поедали ее на улице (в квартире нельзя, папа унюхает запах). Садились на лавочке в сквере, разворачивали нагретую фольгу и

начинали рвать румяную тушку на части. То, что оставалось, скармливали бездомным собакам.

Нина не любила папу, как и ее мама своего. И в этом тоже была виновата наследственность. Все женщины их рода не любили своих отцов. Мужей, впрочем, тоже. Ни мать, ни бабушка не были счастливы в браке. Прабабка тоже рассталась с супругом спустя пару лет после свадьбы и больше замуж не вышла. А вот Нинина мама сделала попытку устроить свою судьбу еще раз. Но со вторым мужем развелась быстрее, чем с первым. Он оказался запойным алкоголиком. Уж до чего Дарья любила застолья с выпивкой, а за мужем не могла угнаться. Да и не хотела!

Сейчас из всех представительниц рода были живы только Нина и ее матушка. Дарья уехала из Москвы в деревню, завела хозяйство. Прабабка умерла давным-давно, а бабушка несколько лет назад, когда Нина еще в институте училась.

Теперь Нина работала в картинной галерее «Эстет». Получала мало, но если б ее уволили, расстроилась бы невероятно. Ей очень нравилась ее работа. Вот только одно не устраивало, что коллектив галереи состоит из трех человек: хозяйки и двух служащих – Нины и Дэна. Хозяйка двадцать лет до этого служила заведующей столовой. Но всегда считала, что оказалась не на своем месте. Мечтала о работе творческой. И когда ее супруг выбился в миллионеры, упростила его купить ей галерею. Тот не отказал, но потребовал взять на работу своего сына от первого брака. Так Дэн стал ис-

кусстведом (имея специальность маляра-штукатура), а его мачеха – галеристкой. Нина с трудом находила с ними общий язык. Но все же ей удавалось не конфликтовать, а вот подружиться не получалось. А ведь так здорово, когда люди, проводящие вместе по восемь часов в день, относятся друг к другу с симпатией. И не только на службе общаются, но и вне ее. Ходят вместе обедать, праздники отмечают. Будь штат немного побольше, Нина, скорее всего, нашла бы среди коллег человека, с которым можно подружиться или хотя бы завести приятельские отношения. Но хозяйка и ее пасынок не располагали к себе, и Нина общалась с ними только по рабочим моментам. Да и это случалось нечасто, потому что эти двое так были заняты руганью друг с другом, что на все остальное у них времени не хватало. Нина на начальном этапе пробовала как-то их примирить, но поняла: если Дэн с мачехой перестанут грызться, то попытаются что-то делать и распекут и без того малочисленных клиентов, и оставила свои попытки.

В «Эстете» Нина проработала два года. До этого она занималась совсем другим делом. По окончании первого института устроилась в небольшую фирму экономистом. Получала прилично, и коллектив ей нравился, а вот сама работа нет. Нина еще в вузе поняла, что выбрала не ту профессию, но бросить институт не решилась. Поэтому на искусствоведа она пошла учиться после того, как получила диплом экономиста. Выбрала заочное отделение, занималась с удоволь-

ствием, диплом защитила на «отлично». Получив его, сразу стала искать новую работу. И спустя месяц была принята в картинную галерею бывшей заведующей столовой. Тогда Нина думала, что это лишь на первое время. И, как только наберется немного опыта, уйдет в другую галерею. Но оказалось, что найти хорошее место крайне сложно, особенно не имея знакомств.

Вот и прозябала Нина в «Эстетике». Терпела сумасбродную начальницу, совершенно не разбирающуюся в искусстве, и ее темного пасынка. И еще то, что из галереи вынуждена была уходить самой последней, запирает ее, ставить на сигнализацию. Хозяйка обычно покидала свой «пост» днем часа в два или три. Дэн линял в лучшем случае через час. Без них Нине работалось спокойнее. Но все же это несправедливо, вкалывать за двоих, получая при этом, как Дэн. К тому же иногда требовалось сорваться пораньше, а подменить ее было некому. Но сегодня Нина с утра сообщила начальнице о том, что ей нужно уйти за три часа до окончания рабочего дня. Наврала про поход к зубному. Та вынуждена была ее отпустить.

На самом же деле Нина отправилась на прием к белой колдунье. Ее звали Ванда, и она снимала венец безбрачия.

Обратиться к ней Нина решила неожиданно для самой себя. Просматривала газету с объявлениями (хотела купить диван б/у) и наткнулась на рекламу салона колдуньи Ванды. Ее сопровождала фотография. На ней была изображена

колоритная женщина среднего возраста. Ее лицо очень располагало к себе. Обычно колдуны и колдуньи, что рекламировали себя в газетах, выглядели очень сомнительно. Их не обезображенные интеллектом, лишенные загадки и признаков породы лица скрывали либо капюшоны, либо туман, либо потусторонний свет. И от этих фотографий сразу веяло фальшью. А снимок Ванды внушал доверие. На нем колдунья просто смотрела в объектив. По-доброму. И без всякого позерства. И в руках был не шар магический или четки, а веточка какого-то растения. Ванда в своем рекламном объявлении утверждала, что может снять венец безбрачия, а также порчу и наговор.

Нина решила ей позвонить. Просто так. Ей давно казалось, что на ней либо наговор, либо порча, либо венец безбрачия. А иначе как объяснить тот факт, что она в свои неполные тридцать до сих пор не замужем? И ладно бы страшенькой была или чересчур скромной. Так нет! Нина выглядела великолепно и никогда не робела перед мужчинами. В этом она пошла в мать и в бабуку, та даже в возрасте семидесяти лет оставалась красавицей.

У всех женщин рода Водяновых были темные кудрявые волосы и светлые глаза. У Нины зеленые, как у бабки. А вот у Дарьи голубые, прозрачные, словно хрусталь. Скольких мужчин она своими очами с ума свела! И телом была приятна, дородна, но не толста. Грудь, бедра, все налитое, а талия тонкая, гибкая. Нина имела такую же фигуру. Одежду

сорок восьмого размера носила, в талии ее приходилось либо ушивать, либо ремнем подхватывать. От Нининой внешности мужчины приходили в восторг. Тот же Дэн на нее засматривался все два года, что они работали. Но ни разу не попытался ее на свидание пригласить (к огромному ее счастью), а все потому, что робел. Как и все остальные!

Нине еще мать говорила, что мужчины боятся красивых женщин. Особенно с виду неприступных. Она сама такой была в молодости. Вот и вышла замуж в двадцать семь лет, да не по любви, а по расчету. Но с возрастом изменилась, попроще стала. И мужчины к ней потянулись. Да только все не те...

Нине тоже оказывали внимание лишь неподходящие мужики. Как правило, женатые. Или до такой степени самовлюбленные, что от них ее тошнило. За одного такого Нина чуть в двадцать четыре года замуж не вышла. Но свадьба сорвалась. Причем не по ее вине. Жених решил, что вести под венец надо не безалаберную красавицу с тонкой душевной организацией, а женщину земную, домовитую. И чтоб была не так хороша, как он сам. Дабы не затмевала!

Об этом своем несостоявшемся браке Нина рассказала Ванде. Та, кстати сказать, в жизни оказалась такой же, как на фото, располагающей к себе женщиной славянского типа. Вокруг головы коса русая. Глаза серые, спокойные. Лицо широкое, румяное. А в квартире, где клиентов принимала, везде иконы, свечи церковные.

– Венец безбрачия на тебе, девонька, – заявила Ванда, ед-

ва посмотрев на Нину. – Чувствую я его, точно глазом вижу. Вот тут он... – И провела над ее головой ладонью. – Холодно затылку стало?

Нина на самом деле ощутила прохладное покалывание в затылочной области. Но решила, что из открытой форточки подуло.

– Наследственное это, – продолжала Ванда.

– Но все мои предки вступали в брак, – запротестовала Нина.

– Вот только никто не был в нем счастлив.

– С этим я согласна, однако формально...

Ванда не дала клиентке договорить. Шикнула на нее и начала карты Таро раскидывать.

– Вы еще и гадаете? – удивилась Нина.

– Посмотрю, что тебя в будущем ждет. Если никаких изменений к лучшему, венец снимать будем...

Пока Ванда раскладывала карты, Нина скучающе смотрела по сторонам. Она как-то вдруг разочаровалась в колдунье и теперь ругала себя за этот визит. И очень жалела денег. Лучше бы на три тысячи, что она заплатила Ванде, себе духи купила.

– Не жалея денег, девонька, – услышала Нина голос колдуньи и вздрогнула. Неужели Ванда ее мысли прочла? – Разве твое счастье не стоит жалких ста долларов? А оно, судя по картам, так далеко от тебя, что может и не наступить...

Нина сразу все внимание обратила на карты. И первое,

что увидела: смерть с косой.

– Ой, что это? – с ужасом спросила Нина, ткнув пальцем в страшную карту. – Смерть моя?

– Нет. Эта карта хоть является символом исхода, конца, потери, но означает лишь то, что тебя, девонька, ждут большие перемены. И вот теперь только от тебя зависит, к лучшему они или к худшему. Не снимем порчу с тебя – плохо кончишь. Снимем – счастливой станешь.

– На мне еще и порча?

– И она, девонька. Вся аура твоя пробита. Тут и наследственное, и приобретенное... – Ванда так тяжело вздохнула, что Нине стало страшно.

– Так чего мы ждем? – выпалила она. – Приступайте!

Колдунья согласно кивнула и начала приготовления к обряду.

Нина была погружена в собственные переживания, поэтому не следила за действиями Ванды. Заметила лишь, что та расставила церковные свечи не где придется, а в определенных местах. Точно заключила Нину в пентаграмму. Наверное, так оно и было.

После этого колдунья взяла какую-то чашку и стала ходить вокруг Нины, что-то приговаривая и брызгая на нее водой. Девушка прислушивалась к своим ощущениям. Ждала какой-то реакции. Холода в затылке. Или наоборот – жара. Не удивилась бы и головокружению, тошноте. Но она во время обряда ощущала себя абсолютно нормально. И это было

странно.

– А что я почувствую, когда процесс пойдет? – не сдержавшись, спросила она.

Ванда довольно грубо закрыла ей рот ладонью.

– Говорить нельзя! – строго цыкнула она. И снова начала свою ворожбу.

Нина затихла. Постаралась расслабиться. Под бормотание Ванды она едва не уснула, как вдруг...

Голову будто сжало металлическим обручем. Нина испуганно распахнула глаза. В поле зрения попало пламя свечи. И оно оказалось не таким, как ранее. Не ровным, желто-красным, а сине-серым, рваным, агрессивным. Пламя извивалось, стрелялось и щелкало. И пахло от него как-то странно... Серой, что ли?

Нина помнила, что говорить нельзя, но все же не смогла смолчать:

– Мне больно...

– Все, все, девонька, – услышала она нервный голос Ванды. – Закончили мы...

Когда колдунья прекратила свои манипуляции, Нина все равно ощущала дискомфорт. Голова уже не болела, но виски ломило. И пламя свечи по-прежнему вело себя агрессивно. Оно не бесновалось, как раньше, но шипело и подрагивало, как готовый броситься в атаку зверек.

– Все? – не поверила Нина. – Обряд завершен?

– Все! – заявила Ванда. – Иди домой!

– Но у меня вот тут... – Водянова приложила пальцы к вискам. – Вот тут ломит. И затылок тяжелый.

– Это нормально. Там у тебя венец безбрачия был. Сейчас его нет, но боль осталась... Фантомная...

Она говорила неубедительно. И как-то чересчур нервно себя вела. Нина не стала дальше пытаться колдунью и попросила воды. Пить хотелось невыносимо!

Ванда принесла ей не просто воду, а травяной настой. Сказала, что он хорошо успокаивает и снимает головные боли. Нина выпила его. Но ни успокоения, ни облегчения не испытала.

– Домой иди, девонька, – велела Ванда. – Дома и стены помогают. Полежишь, отдохнешь, встанешь как новенькая...

– Да, пойду, пожалуй... – Но, сделав несколько шагов к выходу, она остановилась и спросила у колдуньи: – А свечи всегда себя так ведут? – Нина только сейчас заметила, что свечи из хищных монстров превратились в мертвецов. Недавно их пламя бесновалось, а сейчас потухло. Сами же восковые карандаши скукожились и почернели.

– По-разному бывает, – ответила Ванда, подтолкнув Нину к двери. Наверняка ее ждал новый клиент. – И так тоже... Если порча сильная.

И выпроводила Нину за порог.

Голова продолжала болеть. Пришлось зайти в аптеку, купить сильного обезболивающего и бутылочку воды. Выпив таблетку, Нина немного посидела на диванчике. А когда по-

чувствовала облегчение, вышла из аптеки и направилась к кондитерской, чтобы купить торт. Сегодня ведь было двадцать восьмое февраля, и Нина собиралась отпраздновать свой день рождения!

Приобретя шикарное кондитерское изделие из безе и взбитых сливок, Водянова поехала домой. Пока тряслась в метро, вспоминала обряд снятия порчи, и ей становилось не по себе. Она не очень верила во всякие паранормальные штучки. Мать с детства ей внушала, что нет ни Деда Мороза, ни колдунов, ни экстрасенсов, ни инопланетян. Мир существует по четким законам физики, химии и прочих наук. А если бабушка пытается доказать обратное, не верь ей. Она темная женщина, деревенская и мало что в жизни понимает. В Бога, к слову сказать, матушка тоже не верила (но отмечать Пасху и Рождество ей это не мешало). И дочь свою не хотела крестить. Но бабка втихаря отвела девочку в церковь, и многие годы после обряда Нина прятала свой крестик от мамы. Она привязала его к сетке кровати, чтобы оберегал хотя бы ее сон.

Оказавшись наконец дома, Нина поставила чайник. Пока он грелся, распаковала торт, разрешила его на восемь частей (хотя есть намеревалась одна), собралась положить кусок на блюдо, но остановилась. Она вспомнила о свечках, купленных накануне. Их было две. Одна в виде нолика, вторая – тройки. Нине сегодня еще было двадцать девять, но завтра исполнится тридцать. В любом случае. Ведь в полночь уже

наступит март. Так что отметить пусть и скромным тортиком со свечами свой день рождения нужно сейчас.

Конечно, это неправильно – праздновать круглую дату в одиночестве. Нина отлично это понимала. И немного стыдилось, что сейчас ее не окружают гости. Пусть не толпа, а хотя бы три, четыре близких человека. Поэтому маме, которая позвонила, чтобы поздравить, наврала. Сказала, что ждет с минуты на минуту подруг. На самом же деле у Нины никаких подруг не было. В институте имелось две. Но как только они вышли замуж, перестали с Ниной общаться. На свадьбу приглашали обе, но после празднества их точно подменили. Отдалились мгновенно. Нина решила, что у них появилось много забот и им теперь не до нее, но одна из сокурсниц (она тоже гуляла на этих свадьбах) ее просветила. Оказывается, оба молодых мужа так алчно смотрели на Нину, что их супруги решили во избежание скорого развода прекратить всякие контакты с ней. Водянова, узнав об этом, весь вечер проплакала. Ей было ужасно обидно и горько оттого, что столько лет верила в то, чего нет. А именно, в женскую дружбу. Наперекор всем верила. А ведь ее бабка и мать предупреждали, что миф это. «Нам, дочка, все бабы завидуют! – говорила Дарья. – Потому что мы красавицы. И хотя все знают поговорку «Не родись красивой, а родись счастливой!», все равно завидуют...»

Нина больше не виделась ни с одной из своих так называемых подруг. И новых не завела. Поэтому свой юбилей отме-

чала в гордом одиночестве. И с ужасом смотрела на восемь кусков торта, представляя, во сколько лишних сантиметров на бедрах они превратятся после того, как Нина их съест. А она совершенно точно это сделает. Не за один вечер, конечно, но за три точно. Нина обожала сладкое. А вот острое ненавидела, как и любые специи. Особенно чеснок. Ее от одного его запаха воротило.

Нина воткнула в торт свечки, зажгла их, предварительно выключив свет для придания обстановке красоты и торжественности. А то ни ремонта в кухне, ни мебели приличной. Настроение и так было не ахти, а при взгляде на окружающее убожество оно могло испортиться окончательно. «Мне исполняется тридцать, – с грустью думала Нина. – А я ничегошеньки не добилась. Семьи нет, друзей нет, живу в убогой квартире, работаю за копейки. А жизнь-то проходит...»

– Хочу, чтобы завтра... Нет, лучше сегодня же она изменилась! – вслух сказала Нина, озвучив свое желание. Ведь перед тем, как задуть свечи, его обязательно нужно загадать. – Чтоб у меня началась новая жизнь!

Нина набрала в легкие побольше воздуха и шумно дунула на торт. Пламя свечей заколыхалось и погасло. Оставшись в полной темноте, Нина почувствовала дискомфорт. Ей стало не то чтобы страшно, а тревожно. Вскочив, она включила свет.

Стало немного спокойнее. Но тут Нина унюхала крайне неприятный запах. Ей сначала показалось, что это торт так

воняет (просроченный или просто неправильно хранился), но тот исключительно приятно пах: ванилином и шоколадом. Значит, воняет не от него. Нина принялась. Тянуло из ведра. Это ее удивило, ведь мусор она выкидывала вчера вечером. А дома прохладно, за сутки стухнуть ничего не могло.

Нина подошла к ведру, заглянула в него. Использованные чайные пакетики, пустая банка из-под майонеза, обгоревшие спички, шкурки от сосисок. Пожалуй, пахнуть могли только они. Нина вытащила пакет из ведра и понесла его выбрасывать. Перед тем, как покинуть квартиру, оделась. В ее доме не было мусоропровода, и отходы приходилось выбрасывать в контейнеры, стоящие рядом с их пятиэтажкой. В соседних домах, девяти- и двенадцатиэтажных, мусоропроводы имелись. Но они частенько засорялись, и люди, живущие в них, тоже таскали мусор на помойку. Из-за этого бачки были вечно переполнены.

Сбежав по ступенькам вниз (она жила на втором этаже), Нина вышла на улицу. Порыв ледяного ветра ударил в лицо. Щеки закололо. Глаза зашипало. Нос мгновенно заледенел. Нина натянула капюшон, подбородок утопила в высоком воротнике пуховика и помчалась в сторону мусорных баков.

Пока бежала, ругала себя за то, что не надела варежек. Пальцы окоченели. А дома, кроме чая, согреться нечем. Нина не держала спиртного, хотя к абсолютным трезвенникам себя не относила. Любила хорошее вино и шампанское. «Но

не употреблять же алкоголь в одиночестве! – говорила себе Нина всякий раз, когда у нее появлялось желание приобрести бутылочку. – Так можно потихоньку и спиться!»

Забежав за угол дома, она остановилась, чтобы перевести дух. До бачков оставалось метров пять, Нина задохнулась от быстрого бега, а впереди были сугробы. Снег шел весь день, вот их и намело.

Передохнув несколько секунд, Нина направилась к бакам. Не сразу заметила, что на их бортах сидят кошки. Много кошек! В принципе в этом нет ничего удивительного – бездомные животные постоянно искали съестное на помойке, но никогда не собирались такой огромной компанией. Да еще в пургу! Завидев Нину, кошки замяукали. Сначала тихо, отрывисто, вразнобой, затем все громче, протяжнее, дружнее. Вскоре их голоса слились в один душераздирающий вой.

Нине стало не по себе. Она точно не знала, болеют ли кошки бешенством, но ей почему-то казалось, что болеют. И если эти твари ее кусают, придется делать прививки.

С большой опаской Нина подошла к крайнему контейнеру. Медленно, чтобы не спровоцировать кошек, опустила в него пакет. Собралась уже разжать пальцы и убежать, как самый крайний кошка, черно-белый, старый, с обрубленным хвостом, эдакий «пахан», выбросил лапу и вцепился в пакет. Нина решила, что он унюхал шкурки от сосисок и хочет ими поживиться. Но когда она выпустила мешок из рук, кот не бросился его раздирать. Он, утробно урча, устремился к Ни-

не. Его товарищи поддержали вожака громким воем.

О нападении на людей собак Нина слышала, но о бросающихся на представителей гомо сапиенс кошках – не приходилось. Это и пугало. Было что-то мистическое в поведении животных, и у окончательно не пришедшей в себя после визита к колдунье Нины сдали нервы. С криком «Мерзкая тварь!» она схватила горсть снега, слепила ком и швырнула им в кошака. Снаряд достиг цели и попал прямо в морду. Но кот не отступил. Более того, он спрыгнул с контейнера и бросился под ноги Нине. Она, потеряв равновесие, упала. И хорошо, что вперед полетела, а не в сторону, иначе ударились бы о контейнер. Грохнувшись, Нина обернулась. Боялась, что кот прыгнет ей на спину, но тот резко успокоился. Перестал орать и, пробежав мимо Нины, сел возле второго бака (всего их было три) и стал тереться о...

Чью-то ногу! Только сейчас Нина увидела человека, лежащего между контейнерами. Вернее, не его самого, только ноги. На них были темные брюки и сапоги. Нина решила, что это бомж на земле валяется. Либо спит пьяный, либо, скорее всего, умер. Наверняка он завсегдатай этой помойки, вот кошки, обитавшие тут же и знавшие покойника, и подняли вой. Они, как известно, очень чувствительные существа...

Поднявшись на ноги, Нина сделала несколько шагов по направлению к труп. И тут ей стало ясно, что на земле лежит не бомж. Одежда чистая, обувь добротная, общий вид аккуратный. На лице борода, но не безобразная, как у боль-

шинства бездомных. Пока Нина рассматривала человека на снегу, кошки нетерпеливо вышагивали по бортикам контейнеров. А их предводитель нервно помяукивал.

Нина сделала еще один шаг. Наклонилась. Судя по тонкому слою снега на одежде мужчины, скончался он недавно. «Пошел мусор выкидывать, и стало плохо с сердцем, – сделала вывод Нина. – С людьми в возрасте такое часто случается...»

Она распрямилась и собралась уйти, но кот не дал. Зашипел, оцетинился и снова прыгнул в ноги Нине. На сей раз он не застал ее врасплах, поэтому она не упала. И страха не почувствовала. «Кот как будто хочет, чтоб я проверила, жив ли старик, – пронеслось в голове у Нины – И почему я решила, что он мертв? Может, он просто без сознания? А кот, наверное, питомец этого мужчины. Или он просто его подкармливал, и теперь котяра проявляет участие. Хочет помочь... Среди животных ведь попадаются очень умные экземпляры...»

Нина вернулась к старику, присела над ним. Теперь, когда расстояние между ними сократилось до двадцати сантиметров, Нина увидела кровавое пятно, растекшееся по груди. Она не заметила этого раньше лишь потому, что на мужчине была темная одежда. Чтобы проверить, есть ли пульс, она потянулась пальцами к его шее, как вдруг...

Не открывая глаз, человек выбросил вперед руку и схватил Нину за кисть. Она вскрикнула, попыталась освободить-

ся. Но ее держали крепко! Секундой позже пальцы старика сплелись с ее пальцами. Тыльные стороны их ладоней соединились, и тут произошло невероятное. Нина отчетливо почувствовала, как в ее тело вливается энергия. И еще что-то неведомое и очень, очень мощное. Ощущение было немного похоже на то, что она испытала, когда ей делали горячие уколы хлористого кальция, от которых она падала в обморок. Внутренний жар был так невыносим, что сознание отключалось...

Вот и сейчас Нина не смогла сохранить ясность ума. В глазах потемнело, и Водянова стала проваливаться в туман беспомощности. Перед тем, как сознание померкло, она отчетливо поняла – старик только что умер. А еще перед ее внутренним взором вдруг возник черный ворон. Крупный, иссиня-черный, он, взмахнув своими мощными крыльями, взмыл ввысь и скрылся в бескрайнем небе.

Увидев эту картину, Нина погрузилась в беспросветный мрак.

Сколько длился ее обморок, можно только предполагать, минуту, две, пять, пятнадцать, но очнулась Водянова совершенно точно от громкого карканья. И, открыв глаза, увидела огромного иссиня-черного ворона. Он сидел у нее на груди и совершенно по-человечьи смотрел своими пуговичными глазами.

Нина судорожно вздохнула, давая кислороду заполнить легкие, и что есть мочи закричала: «Помогите!»

Глава 2

Энгельс Славин родился в семье идейных марксистов-ленинистов. В современном мире немногие знали, кто это такие, разве только люди, достаточно долго прожившие в Советском Союзе. Именно в Союзе, а не в СНГ. То есть взрослые. Такие, как Энгельс, которому было пятьдесят. Молодежь же имела слабое представление не только о коммунистических учениях, но и о Марксе и Ленине. О Фридрихе Энгельсе и подавно. Например, сын Славина, Вадик, отрок девятнадцати лет, считал, что отца назвали в честь города. Он был осведомлен о том, что есть крупный населенный пункт под названием Энгельс, так как в нем проживала его прабабка. Но когда Вадик узнал, что этим именем город обязан конкретной исторической личности, он очень удивился.

Энгельс же с раннего детства знал не только биографию своего тезки, а также Ленина и Маркса, но и жизнеописание всех известных коммунистов. Отец его преподавал в политехническом институте обществоведение и марксизм-ленинизм на курсах повышения квалификации учителей. Мама — историю КПСС в том же вузе. Оба искренне верили в коммунистические идеалы. В их доме стены были увешаны портретами вождей. А в шкафах стояли ряды томов с их трудами. Причем и отец, и мать читали их. Да не потому, что надо по работе, а себе в удовольствие.

Когда началась перестройка, Славины остались без работы. Отец ушел из института сам, не желая преподавать по-иному, а матушку сократили. Энгельс взвалил на себя обязанности кормильца. Ему пришлось бросить писать диссертацию и устроиться на вторую работу. Энгельс, человек с высшим образованием, без пяти минут кандидат наук, пошел разгружать машины с коробками мороженой рыбы и банками с селедкой иваси. В их доме располагался магазин «Океан», и ему посчастливилось туда пристроиться. Именно посчастливилось, ведь с продуктами в то время было плохо. Люди давились в очередях или брали штурмом магазины. А благодаря Энгельсу в доме Славиных всегда имелись минтай, камбала и селедка.

Пока сын вкалывал, родители митинговали, бастовали, устраивали акции протеста. А возвращаясь домой после массовых мероприятий, садились писать обличительные письма, жалобы, призывы к помощи, ходатайства и прочее, прочее. Их привычный мир рушился, и Славины не могли с этим смириться. Они мечтали о том, что их внуки будут жить при коммунизме, хотя были согласны и на привычный социализм. Но только не на поганый капитализм, к которому вдруг стали стремиться первые лица государства, еще совсем недавно считавшиеся искренними марксистами-ленинистами. Многие из них у Славиных учились и казались верными своим идеалам... Предатели!

В неравных боях с системой старший Славин подорвал

здоровье и умер от сердечного приступа в возрасте шестидесяти двух лет. Энгельс боялся, что мама, овдовев, быстро сдаст. Но та стала более энергичной и деятельной. Без нее не обходился ни один митинг. А еще она стала секретарем какого-то партийного блока и редактором агитационной газеты. Энгельс понимал, что мать нагружает себя, чтобы не оставалось времени на тоску по мужу, поэтому не возражал. Хотя мог бы. Ведь матушка была уже немолода, и ей не мешало бы себя поберечь.

Если б он знал, чем все кончится, посадил бы ее под домашний арест. Но он лишь радовался тому, что мама живет полной жизнью. Однажды, года не прошло после смерти отца, мать не вернулась домой. Он ждал ее весь вечер (она частенько задерживалась и являлась часов в десять, а то и одиннадцать), а когда наступила полночь, стал обзванивать больницы. Мама оказалась в Склифе в тяжелом состоянии. Когда милиция начала разгонять несанкционированный митинг, она в числе прочих бросилась на стражей порядка с кулаками. Те вынуждены были защищаться. Никого не били, но отталкивали щитами. Мать Энгельса потеряла равновесие и упала. Соратники по политической борьбе этого не заметили, и женщину затоптали. В больницу она была доставлена с множественными переломами и серьезной травмой черепа.

Спустя полтора месяца мать вернулась домой инвалидом. И если кости срослись нормально и матушка лишь прихра-

мывала, то удар по голове не прошел даром. Славина повредила умом довольно серьезно. И ладно бы просто потеряла память или впала в детство (и то, и другое имело место: многое она позабыла, порой видела себя пятилетней, а сына называла папой), главное — ее регулярно одолевали приступы агрессии. Когда это происходило, она выходила на балкон и орала на прохожих. Она обвиняла их во всех смертных грехах, даже тех, кого не знала. Но обычно доставалось соседям. Назвав кого-то из них по имени и фамилии, она яростно обличала «врага». А так как язык у нее оставался прекрасно подвешенным, а речь грамотной, то звучало это очень убедительно. Кто не знал, что «выступает» человек не совсем нормальный, мог принять ее слова за чистую монету. И это было самым ужасным! Ведь с соседями Славины всегда ладили, с некоторыми даже дружили. Теперь же Энгельс вынужден был отбивать постоянные атаки тех, с кем еще недавно отмечал праздники, а то и пропускать мимо ушей их проклятия.

Но все это были цветочки, ягодки начались потом.

Родители Славина относились к числу ярых атеистов. То есть не просто не верили в Бога, но и осуждали тех, кто ему молится. Например, со своим отцом, глубоко верующим человеком, папа Энгельса не общался. Многие годы он пытался доказать родителю, что Бога нет, а когда понял, что это невозможно, прервал с ним всякие контакты. Мать Энгельса была мужу под стать. Когда ее сын принес домой из школы крашенные яйца, она вышвырнула их в окно, а мальчика по-

ставила в угол на весь вечер.

С возрастом она не изменилась. Мужа похоронила не под крестом, а под звездой, как военного или ветерана. А вот болезнь сотворила с ней странную вещь. Она продолжала отрицать существование Бога, зато уверовала в дьявола. Его слуги мерещились ей повсюду. Ей казалось, что они скрываются под личиной прохожих, соседей и даже сына. «Миром правит сатана! – орала она с балкона. – Прозрейте, люди! Бога нет! Никто вас не спасет! Вы уже в аду!..»

Эти богохульные речи вызывали особенное возмущение соседей. Наступило время, когда люди стали возвращаться к вере. А тут такое!

– Если ты не отправишь свою мать в психушку, – говорили Энгельсу соседи, – мы соберем подписи и все равно запрячем ее туда. Только пока мы это сделаем, как бы она чего не натворила!

Энгельс был уверен: его мать не сумасшедшая. Он ждал, когда ей станет лучше. Ведь он давал ей лекарства, выписанные хорошим специалистом. Тот, конечно, утверждал, что в больнице ее скорее приведут в норму, но Энгельса не оставлял страх: там ее залечат до состояния овоща, как главного героя книги «Полет над гнездом кукушки». Поэтому ничего не предпринимал. Как потом оказалось, зря...

Как-то Энгельсу пришлось уехать в командировку. Отказаться он не мог, но и мать оставлять на три дня опасался. Он попросил одну из соседок, Марию Ивановну, присмотреть

за ней. Та относилась к Славиной более-менее нормально и очень нуждалась в деньгах, поэтому соглашалась на любую работу, сулящую хоть небольшую оплату. Энгельс заплатил женщине вполне приемлемую по ее меркам сумму, и та взялась ухаживать за его матерью. Причем не просто заглядывать к ней изредка, а прожить в квартире Славиных все три дня.

Энгельс уехал. Но не прошло и суток, как пришлось возвращаться. Прибыв в город и устроившись в гостинице, он позвонил домой, чтобы узнать, как дела. Услышал частые гудки. Решив, что трубка неправильно лежит, Энгельс не стал беспокоиться раньше времени и отправился по делам. А когда снова вернулся в гостиницу, набрал домашний номер и опять услышал отрывистое пип-пип-пип, принялся звонить соседям, чтобы сходили, проверили. Спустя десять минут Энгельс узнал о том, что его матушка находится дома, а телефон выключила, потому что занята изгнанием бесов.

– Чем? – переспросил Энгельс.

– Тем самым, – раздраженно ответила соседка. – И из квартиры гарью пахнет... Как бы пожар не устроила!

– А Марии Ивановны не слышно?

– Какой еще... А, из восемнадцатой квартиры? Нет, не слышно. А что, она с твоей матушкой?

– Да. Я нанял ее, чтоб присмотрела...

– Ой, Энгельс, чует мое сердце неладное... Не из нее ли мамаша твоя бесов изгоняет?

Славин уже и сам об этом подумал и решил вызвать милицию. Позвонив в отделение своего района и обрисовав ситуацию, он стал собирать вещи. Командировка закончилась, можно сказать, не начавшись!

Энгельс оказался прав. Его мать изгоняла демонов из своей сиделки. Привыкшая к тому, что сын все вечера проводит с ней, она не могла понять, почему вместо него рядом оказалась какая-то женщина. Она не узнала соседку. И решила, что слуги дьявола забрали ее сына, а вместо него подослали демона в человеческом обличье. Его-то она и решил изгнать!

Когда милиционеры ворвались в квартиру, они увидели страшную сцену. На полу без сознания лежала пожилая женщина, а вокруг ее головы кровью, вытекшей из раны на затылке, были нарисованы какие-то символы. Свет был погашен, а в углу комнаты горел костер. Благо развели его не на полу, а в горшке. В нем росла пальма, но ее безжалостно выдрали, изломали. Даже в безобидном растении сумасшедшей «экзорцистке» виделась угроза. Сама же она, лохматая, полуголая, прыгала вокруг своей жертвы, что-то бормоча. Когда Славина увидела незваных гостей, кинулась на них. Скрутить ее смогли только три здоровенных мужика.

Когда Энгельс приехал в Москву, и мать, и ее сиделка были в больницах. Мать в психиатрической, соседка в обычной. Состояние последней оценивалось как удовлетворительное (удар по голове оказался не очень сильным). А вот прогнозы относительно психического здоровья гражданки Славиной

были неутешительными. Врачи, обследовав ее, пришли к выводу, что она неизлечима. Болезнь может затаиться, но отступить – никогда. Энгельсу ничего не оставалось, как подписать свое согласие на заключение матери в сумасшедший дом.

С тех пор прошло двадцать лет. Матушка все еще была жива, находилась в психиатрической больнице. Энгельс иногда навещал ее, когда болезнь бывала в стадии ремиссии. Но и тогда она его не узнавала и все разговоры вела о дьяволе и его слугах.

Лечащий врач, господин Верещагин Борис Борисович, с которым за эти годы Славин, можно сказать, сдружился, рассказывал, что в периоды обострений мать ведет себя как одержимая. А когда немного приходит в себя, уверяет, что в нее периодически вселяется демон. Но так как дух ее силен, то тому приходится покидать ее тело. Таких, как она, в больнице было еще двое. Причем обе появились там в последний год. Одна совсем молоденькая. Родители сначала верили в ее одержимость и приглашали на дом священников и тех, кто называет себя «экзорцистами», но молитвы не помогали, как и манипуляции изгоняющих дьявола, которые на деле оказывались обычными шарлатанами. Тогда девушку показали врачам. Ей поставили диагноз «шизофрения» и настояли на госпитализации.

Энгельс видел эту девушку. Ее звали Сара. Худенькая, как тростиночка, хорошенькая, большеглазая, темноволо-

сая. Печать болезни лежала на ее лице, но не делала его отталкивающим. Когда Энгельс заметил это вслух, Верещагин хмыкнул:

– О, вы не видели ее в моменты припадков! Жуткое зрелище. У меня один молоденький санитар уволился именно после этого. В семинарию документы подал. Решил священником стать, чтобы бороться с силами зла. А до этого атеистом был. Таким, как мы с вами.

На самом деле Энгельс не мог себя назвать атеистом. Да, он до сих пор оставался некрещеным, но в глубине души верил в бессмертие души. А не примыкал ни к одной из религий лишь потому, что считал это лишним. Какая разница, кому и как молиться, главное – оставаться хорошим человеком.

А вот Верещагин был махровым атеистом. Поэтому, когда Энгельс предложил ему пригласить экзорциста, чтоб тот поработал с больными, он рассердился.

– И вы туда же? – воскликнул врач. – А я считал вас просвещенным человеком! Нашим барышням не экзорцист нужен, а хороший психиатр...

– Но он у них уже есть, а им не лучше.

– Потому что их нельзя вылечить. Можно лишь облегчить их состояние.

– А что, если срабатывает эффект «плацебо»?

– Не срабатывает! О чем свидетельствует случай нашей Сарочки. Уж скольких к ней приводили, а толку?

– Вы верите, что люди обладают разной энергетикой: кто-то слабой, кто-то сильной, а некоторые сверхсильной?

– Не особенно. Но могу допустить...

– Хорошо. А в гипноз?

– Естественно. Сам его применяю.

– А вот представьте теперь человека с мощнейшей энергетикой и даром гипнотизера, который занимается экзорцизмом.

– Ему что, больше заняться нечем? Одержимых, поверьте моему опыту, не так много. И большая их часть в психбольницах лежит. Отсюда резонный вопрос: зачем человеку такого таланта растрачивать его на пустяки? Из разговора с родителями Сары я понял, что гонорары у экзорцистов не так уж велики...

– Вы слышали о белом колдуне Василии?

– Нет. – Верещагин брезгливо поморщился.

– А мне о нем друг рассказал. У него жена последние два года очень хворала (с ней я тоже хорошо знаком, мы раньше все вместе работали), причем доктора не знали, от чего ее лечить. Она усохла с восьмидесяти до сорока пяти килограммов. Постоянные головные боли, удушье, обмороки. В какие клиники и санатории мой друг только жену не возил, а той все хуже. И вот от отчаяния решил он обратиться к колдуну. Выбор пал на Василия лишь потому, что моему товарищу его глаза понравились. Он большой умница, кандидат наук. А жена его вообще врач. Они всю жизнь верили только

в науку, паранормальные штучки считали шарлатанством. И все же решили попробовать. Использовать последний шанс. Как сказал друг, хотя бы для собственного успокоения, мол, сделали все, что могли...

– И что же? – заинтересовался Верещагин. – Вылечил его супругу ваш колдун?

– Представьте себе.

– Значит, она ничем не болела физически. Скорее всего, у нее было психосоматическое расстройство.

– Это когда болезнь человека зарождается по причине психологических несоответствий, возникающих в подсознании?

– Совершенно верно.

– Вот и жена друга так решила, когда проанализировала все. Я же говорю – она ученая женщина, адекватная. Она и раньше подозревала что-то подобное, но психологи и психиатры ей не помогли. А Василий помог. Сначала долго водил руками вокруг ее головы, что-то шептал, затем какую-то воду давал пить. Женщина все то время, что колдун проводил обряд, ругала себя. Ей было очевидно, что он не поможет. Но когда все закончилось и Василий, посмотрев ей в глаза, сказал: «Ты здорова!», она ему поверила. И пошла на поправку. Сейчас отлично себя чувствует и прекрасно выглядит.

– Интересный персонаж этот ваш Василий, – сказал Борис.

– Да, очень. Но я вам главного не рассказал. Оказалось,

я его знаю. Когда увидел его фото в газете, вспомнил. Его на самом деле зовут Василием. Фамилии не помню. Он когда-то вел радиотехнический кружок. Мой сын занимался у него. По его словам, Василий уже тогда демонстрировал сверхспособности. Если у кого-то из мальчишек что-то болело, он чувствовал это, подходил, начинал поглаживать, и все проходило. А еще у него с животными и птицами какая-то странная связь была. Они его совершенно не боялись. В окно кабинета постоянно залетали птицы и садились на плечо к Василию. Он, кстати сказать, на рекламном фото был изображен с вороном. Тот сидел у него на плече.

– Это все очень интересно, но я не пойму, к чему вы ведете? Хотите пригласить Василия к нам, чтобы он совершил над нашими «одержимыми» обряд? – спросил психиатр.

– Да.

– Это, конечно, было бы любопытно, – с задумчивой улыбкой заметил Верещагин. – А какой материал для статьи... – Но тут же помрачнел. – Только не выйдет у нас ничего.

– Почему?

– Главврач не разрешит, скорее всего. Но даже если я смогу его уговорить, колдун не согласится. Это же не его профиль...

– Он согласится. Я имел с ним беседу. Василий сказал, что ему интересно попробовать свои силы, и он может приехать.

– Что ж, это меняет дело... Тогда я буду разговаривать с главврачом. Только не могли бы вы дать мне номер телефона

этого самого Василия? Я хотел бы сначала побеседовать с ним...

– Да, конечно. – И Энгельс продиктовал психиатру номер колдуна.

Спустя четыре дня Верещагин связался с Энгельсом и мрачно сообщил:

– С главным договориться не удалось. Он категорически против нашего эксперимента.

– Жаль...

– Мне тоже. Но я кое-что придумал. У вашей матери сейчас стабильное состояние, и с моего разрешения вы можете забрать ее домой на сутки. Предлагаю отвезти ее к Василию. Пусть проведет обряд дома.

– А он согласится на это?

– Уже согласился. Я имел с ним беседу. Да не одну. Скажу откровенно, очень Василий меня заинтересовал. Мощный мужик. Даже по голосу чувствуется.

– А это не опасно? – осторожно спросил Славин. – Проводить обряд вне клиники? Что, если у нее начнется припадок?

– Я буду рядом с медицинским чемоданчиком. Не волнуйтесь!

Но Славин не мог не волноваться. Он уже сам был не рад, что предложил Верещагину этот эксперимент. И собирался отказаться от него. Но сначала он решил побеседовать с Василием.

Энгельс позвонил ему днем, попросил о встрече. Хоте-

лось поговорить не по телефону, а с глазу на глаз. Василий не отказал, пригласил его к себе в гости. И вечером Энгельс поехал к колдуну домой.

Жил Василий в самом обычном спальном районе в панельной двенадцатиэтажке. Энгельс ожидал другого. Почему, сам не знал. Наверное, считал, что неординарные люди должны обитать в домах себе под стать. А тут такая серость...

Нужный подъезд Славин отыскал быстро. Нажал на домофоне кнопку с номером квартиры. Но ни голоса из динамика, ни заветного щелчка не услышал.

Подождав пару минут, Энгельс повторил свои действия. И снова безрезультатно. Его не пропустили!

Тогда Славин достал сотовый, набрал номер Василия. Гудки были нормальные, но трубку никто не взял. В полном недоумении Энгельс отошел от подъезда. Он хотел уехать, потом решил посидеть в машине, подождать. Может, моется человек, не слышит звонков. Или к соседям забежал, а сотовый в квартире оставил.

Дойдя до машины, Энгельс немного постоял возле нее, посмотрел на дом. Пытался понять, какие окна Василия, но, не зная, сколько квартир на площадке, точно определить не смог. Если три, то свет горит именно в них. Если четыре, то все окна колдуна выходят на другую сторону.

Открыв дверцу, Энгельс собрался забраться в салон, но тут услышал женский крик:

– Помогите!

Голос доносился издали. Энгельс определил примерное направление и, схватив баллончик с газом, побежал на зов.

Глава 3

Рома Акимин уже в восемь лет знал, кем станет, когда вырастет. И если его сверстники мечтали о карьере космонавтов, подводников, полярников, на худой конец, пожарных или милиционеров, то Ромашка грезил о работе журналиста. В этом не было бы ничего особенного, если б его отец или мать занимались чем-то подобным. Но старший Акимин имел как раз ту самую «героическую» профессию, о которой мечтали многие дети, то есть работал в уголовном розыске. Мама – в «Скорой помощи». Оба любили свое дело и гордились тем, что помогают людям. Как следствие – они постоянно пропадали на работе. Ромашка был предоставлен сам себе. После основных занятий он ходил в продленную группу, но все равно, когда возвращался домой, там еще никого не было.

За Ромашкой приглядывала по просьбе мамы соседка. Заходила каждый вечер, спрашивала, не помочь ли чем. Например, не погреть ли мальчику ужин. Мальчик отвечал отрицательно. Говорил, что уже съел все холодным, потому что так больше любит. На самом же деле он давно научился пользоваться плитой и втайне от родителей зажигал газ. А еще включал колонку, чтобы наполнить ванну и посидеть в ней после затянувшихся гуляний. И читал запретные книги, учебники по криминалистике и медицине. Родители прята-

ли их на антресоли, чтобы любопытный ребенок не рассматривал картинки, где были обезображенные трупы или половые органы. Рано ему такое смотреть. Как бы на психике не отразилось!

Но Ромашкина психика оказалась на удивление устойчивой. Он рос нормальным ребенком, разве что для своего возраста очень развитым и самостоятельным. Опять же четко знал, кем хочет стать. В раннем возрасте, изучив книги по криминалистике и медицине, Рома твердо уяснил, что по стопам родителей идти не хочет. А желает посвятить себя творчеству. Рома любил читать. И книги, и журналы, и газеты. Больше, конечно, книги, но стать, к примеру, писателем мальчик не мечтал. Во-первых, он считал, что ему, непоседе, не хватит терпения для написания большого произведения. А во-вторых, выдуманные истории хоть и были очень увлекательными, не так цепляли Рому, как реальные. Он обожал читать статьи на злободневные темы, не всегда до конца понимая те проблемы, о которых писали. Но ему нравилась смелость журналистов, хлесткие слова, употребляемые ими, разносторонность их знаний. А еще их причастность к тайне и способность раскрыть ее тысячам людей. Особенно это касалось ставших очень популярными на стыке восьмидесятых и девяностых материалов про инопланетян, экстрасенсов, Атлантиду. Рома представлял себя на месте авторов и думал о том, как им интересно работать над статьями, почти фантастическими, но все же правдивыми. Тогда он по наив-

ности не понимал, что журналисты не всегда верят в то, о чем пишут, и представлял себя на месте одного из них.

Статьи в газеты Рома Акимин начал писать, еще будучи учеником средней школы. Их иногда печатали. А те, которые не принимали, он размножал на ксероксе и либо расклеивал по столбам, либо раздавал одноклассникам. Он ощущал потребность донести свои мысли до масс. Рома был идеалистом в те годы. Да и в двадцать, двадцать пять им оставался. Но к тридцати поумнел. Вернее, устал. Роме нравилась фраза из книги Фазиля Искандера: «Когда человек устает бороться, он делает вид, что поумнел!» – и применил ее к себе.

Ему надоело быть донкихотом от журналистики. Тем более что бороться ему приходилось не с ветряными мельницами, а с системой. А это было опасно. Акимину постоянно угрожали. Один раз серьезно избили, и он провалялся в больнице три недели. Но «поумнел» Рома не после этого, позже. Когда, несмотря на все его старания (он объявил настоящую войну одному взяточнику – крупному чиновнику из мэрии), ничегошеньки не изменилось. Чинушу не только не посадили, а еще и повысили.

Тогда Акимин даже хотел уйти из журналистики. Многие его сокурсники почти сразу после института подались в бизнес, и некоторые с удовольствием взяли бы Рому на работу. Он всерьез подумывал обратиться к своему другу Саньке Калинину, владельцу двух ночных клубов. Акимин с его энергичностью и умением общаться с людьми мог стать отлич-

ным администратором, а впоследствии управляющим. Это и интересно, и денежно, в сравнении с зарплатой Акимина по крайней мере. Другие журналисты, те, что брались за заказные статьи или работали на желтую прессу, имели неплохой доход. Но у таких «донкихотов», как Рома, было ни квартир, ни машин. Акимин, к примеру, жил с родителями, а передвигался на метро.

В общем, соблазн уйти из профессии был. Но Рома решил не изменять себе и не отказываться от призвания. Поэтому ни в какой клуб администратором он не устроился. Просто кардинально сменил профиль. Ранее писал о социальных проблемах, политике, громких преступлениях, теперь стал писать об инопланетянах, экстрасенсах, Атлантиде. Это тоже было увлекательно (конечно, не так, как в детстве, но все же), безопасно и неплохо оплачивалось. Интерес к этой теме с конца восьмидесятых, естественно, поутих, но зато ряды свято верящих в паранормальные явления стали многочисленнее, сплоченнее, и как следствие – появилось множество изданий, посвященных им. Рома устроился в журнал с большим тиражом и в качестве внештатника сотрудничал еще с несколькими газетами, в том числе серьезными. Статьи Акимина они печатали в субботних выпусках и прилично за них платили.

Рома наконец зажил, как человек! Снял квартиру, купил авто, начал девушке своей хорошие подарки дарить. Рома даже стал подумывать о женитьбе. Со своей девушкой он

встречался больше двух лет, и она очень хотела выйти за Акимина замуж, но он не делал ей предложения, потому что семью содержать было не на что. Но сменив поле деятельности, Рома почувствовал уверенность в завтрашнем дне. Расплатившись за машину, он сможет взять кредит на квартиру, и вот тогда наконец женится. Тем более есть вероятность того, что в следующем году Акимина сделают главным редактором журнала.

Статья, над которой он работал в последнее время, была не для «родного» издания. Три месяца назад он делал заказной материал о колдуне Василии. Рома сначала не хотел браться. Но, познакомившись с колдуном, изменил свое мнение. Василий совершенно точно обладал неким даром. Рома сразу же при знакомстве почувствовал исходящую от него силу. Когда тот, не коснувшись журналиста, а лишь проведя рукой над его головой, сказал, что у Акимина была черепно-мозговая травма, после которой его мучает мигрень («Сейчас тоже болит, но я сниму, секунду!»), Рома уверился в этом еще больше. Пульсация в виске прошло почти тут же. Поэтому статья получилась очень убедительной. Заказчик был доволен. Но когда материал вышел, Рому стали одолевать сомнения.

Он подумал, что колдун мог знать о том, что Акимин после избиения угодил в больницу именно с черепно-мозговой травмой. Об этом писали. Про мигрени можно додумать. А боль прошла благодаря самовнушению.

И решил Рома славу колдуна Василия развенчать. Именно славу, ибо тот в последнее время стал весьма популярной личностью. После статьи Акимина о Василии все заговорили. Его стали приглашать на телевидение (тут наверняка не обошлось без взяток), к нему обращались за помощью политики и эстрадные исполнители, его прогнозы печатались в журналах. Но о личной жизни Василия, его прошлом никто ничего не знал. А если ему в лоб задавали вопросы про семью, он отвечал уклончиво. Мол, все мы на этой земле братья и сестры...

Поскольку Рома уже три месяца назад видел, как Василий работает – ему разрешили присутствовать на одном из сеансов, – то на прием к колдуну он ни сам записываться не стал, ни кого-то из коллег или друзей не попросил. Сначала нужно было узнать Василия-человека, а уж потом колдуна. И сделать это можно только одним способом, а именно: установив за ним слежку.

Что Рома и сделал. «Пас» Василия несколько дней, но безрезультатно. Колдун, отработав в салоне, либо выезжал к особо важным клиентам на дом, либо отправлялся на радио или в редакцию газеты. Ночь он, как правило, проводил в квартире один. Причем жилье было съемным, Рома узнавал.

Женщин у Василия совершенно точно не было. А вот сын, оказывается, имелся. Только жил он отдельно и с отцом не виделся совсем. Об этом Роман узнал от одной из сотрудниц центра, где Василий трудился (она собиралась увольняться,

вот и не побоялась за небольшую плату «слить» информацию). Она же сообщила ему о том, что колдун близок лишь с двумя людьми – господином Авербухом, своим то ли менеджером, то ли агентом, то ли продюсером, и Владом Карским. Паренек Василию вместо сына. А еще он его ученик и преемник. Пожилой колдун в парне души не чает и всячески ему помогает. Акимин тогда решил, что Карский вполне может быть еще и любовником Василия. В этом случае отсутствие в его жизни женщин легко объяснимо.

Акимин решил побольше разузнать о Карском и встретиться с сыном Василия. Наверняка парень дико ревнует отца к его фавориту и может много интересного рассказать. Роман видел его на фотографии и по лицу понял: самовлюблен, злопамятен, мелочен, но умен и болтлив. Просто находка для журналиста!

Роман раздумывал, когда встретиться с сыночком великого колдуна: завтра или послезавтра, и тут ему позвонили.

– Господин Акимин? – услышал Роман незнакомый мужской голос.

– Он самый.

– Добрый вечер. Вас беспокоит Василий.

– Какой?

– Тот самый, в чье грязное белье вы пытаетесь сунуть свой нос.

Роман мысленно чертыхнулся. Неужто сотрудница центра раскололась?

– Я звоню, чтобы попросить вас перестать это делать.

– Я только хочу узнать о вас как о человеке. Никакой грязи выливать на страницы газет не собираюсь... – И Роман добавил после паузы: – Если ее нет в вашей жизни, я и в нее не вляпаюсь.

Акимин ожидал от Василия фразы про свинью, которая везде грязь найдет, но тот сказал совсем другое:

– Давайте встретимся и поговорим? Я дам вам интервью. Честное и откровенное. Хотите?

– Очень.

– Тогда приезжайте ко мне. Весь вечер я буду дома.

– Отлично.

– Адрес, как я понимаю, вам говорить не надо, вы его сами знаете.

Роман усмехнулся.

На этом они простились. Роман быстро закончил дела в редакции, заскочил в кафе перекусить и поехал в гости к великому колдуну, чтобы взять у него интервью. Честное и откровенное!

Глава 4

Нина сидела в кухне и держала в ледяных руках кружку с горячим чаем. Ее сотрясала дрожь, и сделать глоток, чтобы не стукнуться зубами о фарфор, не получалось. Боясь испортить эмаль, Нина поставила чашку на стол. Встала, включила все конфорки на газовой плите и стала греть руки над огнем.

Пальцы потеплели, но дрожь не прошла. Нина поняла, что ее колотит не от холода, а от нервного перенапряжения. Отойдя от плиты, она открыла холодильник, достала бутылочку с настойкой пустырника, накапала в стакан, выпила.

Обычно Нину отпускало через несколько секунд. Приняв успокоительное, она ощущала, как по телу разливается тепло, затем наступал покой. На сей раз этого не произошло. Слишком велик был стресс! Наткнуться на умирающего, упасть в обморок после его прикосновения, очнуться от карканья ворона, сидящего на груди, – уже этого достаточно, чтобы оказаться на грани нервного срыва. А Нине потом еще пришлось около часа беседовать с оперативником, который разговаривал с ней так, будто она подозревается в убийстве. Что она ему говорила, сейчас вспомнить не могла. Ему, а еще мужчине, прибежавшему на ее зов. Он помог ей подняться на ноги, отряхнул, усадил в свою машину, вызвал полицию и, пока бригада добиралась до места, вел с Ниной беседу. Она поддерживала разговор, а у самой в голове носились стран-

ные мысли и обрывки образов. Этот стремительный круговорот вызывал тошноту. Как будто Нина сидела на карусели, которая вращалась с бешеной скоростью...

Когда начался допрос, она немного пришла в себя. То есть карусель замедлила свое движение, но не настолько, чтобы Нина могла воспринимать действительность нормально.

Когда оперативник ушел, а разговаривал он с Водяновой у нее дома, она и вскипятила чай, чтобы согреться.

В дверь позвонили.

Нина устало посмотрела на нее и решила не открывать. Наверняка кто-то из любопытных соседей решил узнать все подробности происшествия. Но визитер оказался настойчивым. Он звонил и звонил. Нине ничего не осталось, как открыть.

Она ожидала увидеть Антонину Сергеевну из соседней квартиры. Эта женщина была в равной степени бесцеремонна и любопытна. Но на пороге стоял незнакомый мужчина.

– Здравствуйте, – сказал он.

Нина в ответ кивнула. Говорить не хотелось. Да и вряд ли получится выдать что-то членораздельное. Дрожь не проходила!

– Разрешите представиться? Я – Роман Акимин. Журналист. Могли бы вы уделить мне несколько минут?

– Нет, – ответила Нина сурово и собралась закрыть дверь, но Акимин придержал ее.

– Простите меня за назойливость, но мне правда очень

нужно с вами побеседовать...

Нина нахмурилась. Ей еще не доводилось сталкиваться с журналистами, но она много раз слышала о беспардонности, напористости, даже нечистоплотности некоторых из них. Она решила, что в данный момент перед ней как раз такой человек.

– Да вы не думайте, я не папарацци, – как будто прочитал ее мысли журналист. – Я статью писал о Василии... Собирался сегодня с ним встретиться, интервью взять. А тут такое...

И он умоляюще посмотрел на Нину. Та, помедлив, пропустила Акимина в прихожую.

Войдя в квартиру, Роман огляделся. Взгляд был цепкий, но не любопытный, скорее профессиональный. Журналистам ведь нужно все подмечать.

Пока Акимин изучал обстановку, Нина рассматривала его. Чуть за тридцать. Хорошая фигура. Интересное лицо. Не красивое, именно интересное. Хочется в него вглядываться, вроде ничего особенного, а чем-то привлекает.

– Куда можно пройти? – поинтересовался Роман, разувшись.

– Пойдемте сюда. Попьем чаю. У меня торт есть.

Она провела журналиста в кухню, указала на стул.

– Вы замерзли? – спросил он, присаживаясь.

– Да, немного... А что, заметно?

– Просто вы в пуховике.

– Ой... – Нина забыла о том, что, вернувшись домой с улицы, не разделась. Она хотела снять пуховик, стянула его с плеча, но тут же накинула опять. – Останусь, пожалуй, в нем, – проговорила она. – Так теплее.

– Но здесь жарко. Трясет вас не от холода.

– Я тоже так думаю. Поэтому приняла... – И указала на пузырек с настойкой.

– Мне кажется, у вас плюс ко всему температура. Позвольте? – Он протянул руку, желая дотронуться до ее лба, но Нина отшатнулась. Слишком живы были воспоминания о ТОМ прикосновении.

– Простите, – пробормотал Роман.

– Это вы меня простите. Я на взводе и...

– Не объясняйте, я понимаю. Но вы бы смирili температуру. У вас, похоже, как минимум тридцать восемь.

– Не удивлюсь, – проговорила Нина, вспомнив, как лежала на снегу. Она была без сознания минут пять точно, а может, и больше. – Вы чай будете?

– Не откажусь.

Нина поставила подогревать чайник. Достала заварку. Она любила листовой, но ей было лень чай заваривать, поэтому Нина обычно покупала пакетированный. Даже на ее не слишком искушенный вкус он отдавал картоном. Предлагать такой гостю было немного стыдно, но ничего другого не оставалось. У Нины даже кофе не имелось. Она его не любила. А для гостей держать незачем, ведь они в этом доме

бывают крайне редко.

– Когда вы нашли Василия, он уже был мертв? – спросил Роман. Нина вздрогнула. Не от неожиданности, а от воспоминаний.

– А почему вы пишете статью про него? – вопросом на вопрос ответила она. – Он что, знаменитость?

– В некотором роде.

– То есть?

– Он был колдуном. Практикующим. Его услугами пользовались даже сильные мира сего.

– Вы это серьезно?

– Совершенно. И, скажу вам, Василий на самом деле имел дар.

Нина поежилась. Теперь совершенно точно не от холода.

– А что за дар? В чем он выражался?

– Такое ощущение, что это не я журналист, а вы, – улыбнулся Роман.

– И все же ответьте.

– В нем была сила. Знаете, как в джидаях из «Звездных войн», – пояснил Акимин.

– Он тоже рубился световым мечом и мог движением руки поднять из болота затонувший корабль?

– Нет, конечно. Но он совершенно точно энергетически был сильнее большинства из нас. И он мог передавать свою энергию. Когда он проводил рукой по больному месту, наступало успокоение. Проверено на себе.

– Он дотрагивался до вас?

– Нет. Проводил рукой возле моей головы.

– А остальных?

– При мне он лечил женщину от язвы. Ее он касался. После сеанса она заверила меня, что боль прошла. Я встретился с ней через три месяца, то есть совсем недавно, когда взялся за очередную статью, и она сообщила мне, что язва зарубцевалась и она здорова.

– А когда Василий дотронулся до нее, она сознание не потеряла?

– Нет, – удивленно протянул он. – А почему она должна была его потерять?

– Ну не знаю, – промямлила Нина. – Если в Василии была такая мощь, то ничего удивительного...

– Василий ведь отдавал лишь малую часть своей энергии. А вот если бы отдал всю, то возможно...

– Он был мертв, когда я его нашла, – быстро выпалила Нина.

– А правда, что в тот момент его окружали кошки?

– Да. Но откуда вы знаете?

– Человек, который услышал ваш призыв о помощи, кстати, его фамилия Славин, зовут Энгельсом, рассказал, что, когда он подошел к мусорным бакам, кошки там так и кишели.

– Все верно.

– Странно, правда? На улице выюжит, метет, кошки обыч-

но в такую погоду забиваются в тепло.

– И не только они. Птицы тоже.

– При чем тут птицы?

– Да ни при чем, это я так...

Нина резко замолчала. Журналист удивленно на нее взглянул. Затем проследил за ее взглядом, устремленным на окно, и воскликнул:

– Ворон!

Нина сглотнула. На подоконнике на самом деле сидел ворон. ТОТ САМЫЙ! Она как его заметила, так дар речи и потеряла.

– Вы поэтому про птиц заговорили, да? – спросил Акимин.

– Что? – Нина с трудом оторвала взгляд от ворона и переместила его на лицо Романа. – Не поняла, о чем вы?..

– Рядом с трупом Василия были не только кошки, да? Но и этот ворон?

Нина кивнула и снова бросила взгляд на окно. Птица продолжала сидеть на подоконнике. Но если до этого она была спокойной, просто смотрела через стекло, и все, то теперь начала хлопать крыльями и постукивать клювом в окно. Нине стало очень страшно, она попятилась. А поскольку кухня в ее квартире была небольшой, то Водянова тут же налетела на журналиста. Тот придержал ее и успокаивающе погладил по плечам.

– Не бойтесь, это Карл, – сказал он и усадил Нину на та-

бурет.

– Кто?

– Ворон. Его зовут Карл. Это ручная птица. Очень умная.

– Она ваша?

– Нет, конечно. Это ворон Василия.

Нина облегченно выдохнула. Значит, никакой мистики! Просто домашняя птица, потеряв хозяина, прибилась к человеку, оказавшемуся в последний момент рядом с ним.

– Может, впустить его? – предложил Роман. – Замерзнет ведь...

– Хорошо, давайте.

Нина подошла к окну, попыталась открыть форточку, но не вышло. Поддалась только первая створка, а вторая примерзла. Роман, видя ее затруднения, бросился на помощь. Рванув за ручку, он отворил окно. В кухню тут же влетел порыв ветра, и масса снежинок осела на подоконнике...

Следом за ветром и снегом в помещение ворвался ворон. Мокрый, взъерошенный и все равно величественный. Влетев, он встряхнулся, осмотрелся и прыгнул на холодильник, рядом с которым стояла хозяйка квартиры. Нина взвизгнула и отшатнулась. Ворон посмотрел на нее как будто с осуждением и, сложив крылья, уселся на хлебницу. Через несколько секунд он начал поклевывать крошки, словно забыв и о Нине, и о Роме.

– Потрясная птица, – проговорил Акимин.

– Как будто и не птица, а человек, – пробормотала Нина.

– Ворон – умнейшее создание.

– Судя по тем, что обитают на помойках, я бы так не сказала.

– Вы путаете. Ворон и ворона разные птицы, это не самка и самец одного вида.

– Разве нет?

– Нет. Путаница происходит только в русском языке из-за практически одинакового названия двух различных видов. В других языках этих птиц по-разному называют. Например, в английском ворон – raven, ворона – crow.

– Но они похожи...

– Ворон значительно крупнее, он чисто черный с более массивным клювом. Это красивая, величественная птица. И очень умная. Гораздо умнее серой вороны.

– Откуда вы все это знаете?

– Читал.

– Увлекаетесь орнитологией?

– Нет, – улыбнулся Акимин. – Просто, когда я писал статью о Василии, заинтересовался его птицей.

Карл, будто поняв, что разговор ведут о нем, оторвался от крошек, распрямился и принял красивую позу. Нина засмеялась.

– Какой пижон! – И протянула руку, чтобы погладить птицу.

Ворон посмотрел на нее с интересом, затем прошагал к краю холодильника и прыгнул ей на запястье. Нина от удив-

ления охнула. Карл же взобрался по руке вверх и уселся на ее плече.

– Снимите его с меня! – хрипло прошептала Нина. – Пожалуйста... Я боюсь.

– Зря. Он вам ничего дурного не сделает. Карл привык сидеть на плече у хозяина.

– Но я не его хозяйка.

– Похоже, он считает иначе. Он выбрал вас.

– Мне не нужны домашние животные! Я никогда не мечтала о кошках, собачках, а тем более птичках. Да и не знаю я, чем его кормить!

– Ворон – практически всеяден. Он и мясо ест, и хлеб, и яйца.

– Вот и заберите его себе.

– Я бы взял, да он не пойдет. Я же говорю – он выбрал вас. Кстати, вы отлично вместе смотрите... – Рома позволил себе улыбку. – И даже немного похожи... Мاستью, я имею в виду.

Карл, до сего момента спокойно сидящий на Нинином плече, вдруг завожился. Затем захлопал крыльями.

– Что это с ним? – опасливо спросила Нина, стряхнув птицу. Карл опустился на холодильник, но не успокоился. Более того, стал проявлять явные признаки агрессии. Нервно подпрыгивал и шипел, глядя на дверь.

Рома пожал плечами. Он собрался ответить, но тут в дверь позвонили.

Нина сделала удивленные глаза и пошла открывать.

Распахнув дверь, она увидела на пороге молодого человека. Он был странно одет и причесан. Картинно, если не сказать, карикатурно. Стилль «а-ля Дракула». Весь в черном. Волосы тоже темные, зализанные. На лице борода. В зубах мундштук. На пальцах массивные серебряные перстни. Вместо пуховика или дубленки – плащ до полу. Естественно, черный.

– Вам кого? – спросила Нина.

– Если вы Нина Водянова, то вас, – ответил «Дракула». Голос у него оказался высоковатый, не очень приятный. – Меня зовут Радик Радовский. Могу я войти?

Нина посторонилась.

Едва Радовский переступил порог ее дома, как Карл взметнулся вверх, расправил мощные крылья и ринулся на гостя, нацелив клюв в его глазницу.

Глава 5

Радик Радовский ненавидел своего отца.

Не всегда, а лишь последние два года. Раньше Радик его обожал. Он восхищался отцом и мечтал стать на него похожим. Только не внешне. Папаша был маленьким, плюгавым, рано поседевшим мужиком. В сорок он выглядел если не на шестьдесят, то на пятьдесят пять точно. Отец редко стригся, не брил бороду, одевался странно. То есть носил то, что ему удобно. Например, пиджак на размер больше, чтоб движения не стеснял, и короткие штаны. Говорил, не люблю, когда по земле волочатся, грязь собирают.

А вот Радик был пижоном. Ему нравилось одеваться красиво. Не модно, а стильно и оригинально. Даже в юности он отличался от сверстников своим нестандартным гардеробом. А все потому, что ту безликую одежду, которую ему покупали, Радик собственными руками переделывал. Перекрашивал, перекраивал, нашивал детали. Предпочитал вещи однотонные, черные или темно-синие. Его сверстники носили джинсы, яркие майки, мотоциклетные куртки, а он предпочитал брюки, рубашки с воротниками-стойками, пиджаки или плащи. Волосы Радик гладко зачесывал назад и втайне от всех подкрашивал басмой (они были темными, но летом могли выгореть до золотисто-каштановых). Так как кожа его всегда оставалась бледной, в школе Радика дразнили Драку-

лой. Ему это прозвище очень нравилось. Жаль, в институте оно не прижилось. Хотя Радовский стиля не менял, он стал еще мрачнее и утонченнее. К тому же он всем сокурсникам напоминал о своем школьном прозвище, но ребята упорно называли его Клопом. Как сказал однажды один его одногруппник: ты, Радовский, такой же мелкий, черный и противный. И если второй и последний эпитеты Радика не тронули совершенно, то первый задел очень сильно. Все же он пошел в отца! Не дорос даже до метра семидесяти и костью был узок. Да еще спорт не любил. Поэтому одежду носил подросткового размера. А чтобы казаться хоть чуточку фигуристее, вшивал в пиджаки подплечники.

Радик учился на психолога, но с людьми ладил плохо. Мнил себя самым умным и не считал нужным это скрывать. Его не любили, девушки в том числе. Но в этом, как считал Радик, тоже наследственность сыграла свою роль. Только теперь со стороны матери Надежды.

Характером он пошел в нее. Да еще глазами, которые, как известно, зеркало души. У отца были темно-карие, живые, яркие. Если б не кошмарно косматые седые брови, угрюмо нависающие над ними, они считались бы красивыми. У матери же глаза бледно-голубые, выпуклые. Такие называют рыбьими. Обычно они были пустыми, ничего не выражающими, но иногда в них зажигался огонек презрения ко всем, в том числе к мужу. Единственному мужчине, изъявившему желание взять Надю в жены. Она, конечно, пошла за него,

чтоб избавиться от ярлыка «старая дева», но не смогла супруга не то что полюбить — даже уважать.

А мужа ее между тем женщины вниманием не обделяли. До Нади у него была жена, но та оказалась не способной к деторождению, а ему очень хотелось сына, наследника. Супруга, зная об этом, первая предложила расстаться. Они развелись. Будущий отец Радика не пил, не курил, был добр, спокоен, работающ, и к нему тут же стали набиваться в невесты одинокие соседки и коллеги по работе. Но он почему-то выбрал Надю, на которую до него никто не зарился. Хотя барышней она была вполне симпатичной, фигуристой, с удивительными рыжеватыми волосами, достигающими до монолитных бедер. Наверное, именно стать Надежды и привлекла жениха. Ведь известно, что маленькие, худые мужчины обожают крупных, хорошо сложенных женщин.

Надя забеременела вскоре после свадьбы. Родила сына. Но тот раздражал ее так же, как и муж, и она решила, что больше детей не хочет. А дабы стопроцентно избежать нежелательной беременности, отказала мужу в близости.

Умерла Надя молодой, в сорок два, от рака желчного пузыря. Овдовев, отец Радика больше не женился. И не потому, что устал от семейной жизни, а скорее просто не видел в ней надобности. Сын у него есть, и уже не маленький, десять лет. Может сам себе еду погреть, простирнуть бельецо, прибраться. И с уроками Радика помогать не нужно. Даже мать никогда этого не делала.

Отец Радика работал в школе учителем физики и вел радиотехнический кружок. Репетиторствовал. Но как только его супруга умерла, он оставил последнюю, самую денежную, подработку. Это Наде всегда денег не хватало, вот она и пилила мужа, вынуждая его зарабатывать везде, где можно. И ей было наплевать на то, что ему на себя, совершенно не хватает времени. Завел семью, изволь ее обеспечить! Вот только того, что супруг приносил, ей все равно не хватало, чтобы быть не хуже остальных. Евроремонтов не делали, за границей не отдыхали, машины не имели. Кормильцу плевать было на это. Да и сын не жаждал видеть в своей комнате навесные потолки, ламинированный пол, модную мебель. Он говорил: мама, зачем все это, если к нам в гости никто не ходит? В общем-то мальчик был прав. Надежда ограничилась тем, что сменила окна на пластиковые и повесила на них шикарные шторы. Чтоб люди, проходя по улице, видели, что они не хуже других живут. Для этого же была поставлена дорогая входная дверь. А что на эти излишества денег нет, плевать! Пусть все считают, что она, Надя, сделала отличную партию и живет в достатке. Чтобы поддерживать имидж обеспеченной женщины, она скупала в ломбардах золотые украшения, в комиссионках – шубы и сама их реставрировала (сыну впоследствии очень пригодилась ее машинка), а вот супругу обновки приобретала крайне редко. Вместе они никуда не ходили, но соседи прекрасно знали, что муж ее немного не от мира сего.

Когда Надя умерла, Радик и его отец горевали недолго. Без нее им стало спокойнее.

Спустя три года после кончины супруги отец бросил работу в кружке. Зарплаты учителя и пособия на ребенка им едва хватало на жизнь. О мобильном телефоне, DVD-плеере, компьютере Радик приходилось только мечтать. И если другой на его месте укорял бы отца, а то и скандалил, требуя обеспечить необходимым (в их классе почти у всех были телефоны, плееры, компьютеры или хотя бы что-то одно), то младший Радовский ни разу себе этого не позволил. Он уважал отца и дело, которому тот себя посвятил после смерти жены.

Отца Радика звали Василий. Василий Разин. Такова была и фамилия его сына Родиона. Радовским он стал гораздо позже. Сначала просто псевдоним взял, затем и паспорт поменял. В детстве же и юности Радик носил фамилию отца. И гордился тем, что он Разин. Ведь его папа был личностью в узких кругах очень известной.

Василий Разин много лет увлекался экстрасенсорикой. Сначала это было просто хобби, и Василий посвящал ему те редкие часы, когда был свободен от работы. Овдовев и отказавшись от репетиторства, он смог проводить больше времени за изучением интересующего его предмета. Василий всегда знал: он обладает экстрасенсорным даром. Только тот проявлялся слабо, но лишь потому, что Разин его не развивал. Тренировать ведь все нужно, не только память, мышцы

или волю. Многие люди обладают паранормальными способностями, но лишь единицы становятся настоящими экстрасенсами, медиумами, знахарями. Василий как раз мечтал лечить людей. Но не травами и заговорами, как шептуны (так в народе знахарей до сих пор называют), а своим энергетическим полем. Когда Радик был маленьким, отец прикосновением руки снимал его боли, а еще останавливал кровотечения. Но это получалось не всегда. Если боль была сильной, а рана глубокой, ребенка приходилось везти к врачу. Надя в таких случаях торжествовала. Она постоянно твердила о том, что муж занимается ерундой, и требовала прекратить это. Но Василий знал: придет время, когда он сможет лечить самые сложные заболевания силой своей энергии.

На это у него ушло много лет. От года к году его дар креп. И на тот момент, когда Радик поступил в институт, Василий ушел с работы и полностью посвятил себя экстрасенсорике. Деньги зарабатывал ею же. При этом Василий не брал с посетителей фиксированной платы. Говорил, дайте столько, сколько посчитаете нужным. Некоторые, не имея денег, в благодарность за помощь приносили вещи, сделанные своими руками, или продукты. Бабы – соленья, варенья, мужики – дичь, рыбу.

Однажды на прием к Василию пришел импозантный мужчина по фамилии Авербух. Звали его Станислав Данилович. На здоровье он не жаловался, а к Разину явился, чтобы сделать деловое предложение.

– Василий, вы растрчиваете свой талант, – заявил он с порога.

– Прошу прощения?

– У вас настоящий Божий дар, но вы используете его неправильно!

– Почему же неправильно? Все на благо людей.

– Вот до меня вы кого приняли? Старуху с паховой грыжей? – Василий не успел удивиться его осведомленности, как Авербух продолжил: – А до нее мужика с фурункулом. И вы хотите сказать, что эти двое не могли получить помощь в районной поликлинике или больнице?

Крыть было нечем, Василий просто пожал плечами.

– А это что? – продолжал Авербух, кивнув на стоящие на подоконнике банки с огурцами, аджикой и лечо. – Гонорар, как я понимаю? Бабуля с грыжей расплатилась?

– Отблагодарила, – поправил Василий.

– Теперь понятно, почему она к вам, а не к врачам обратилась. Им, чтоб хорошо лечили, денежки нужно платить. А денежек ей жалко...

– Может, у нее их просто нет?

– Да бросьте! Как раз у старух они всегда есть! Ведь они расставаться с ними не любят...

– К чему вы ведете, не пойму?

– Я пытаюсь вас вразумить.

– Зачем?

– А вот теперь к главному, – по-деловому заявил гость. – Я

хочу предложить вам сотрудничество. Сам когда-то практиковал как лекарь. Есть у меня небольшой экстрасенсорный дар, но с таким много не заработаешь, а я стремлюсь к хорошей жизни. Поэтому я намерен открыть центр нетрадиционной медицины. Вас приглашаю к сотрудничеству. Если к вашему таланту прибавить мои организаторские способности, связи и начальный капитал, то получится очень успешное предприятие. И, заметьте, я имею в виду не только материальную выгоду для нас с вами. Истинно нуждающиеся найдут у нас помощь.

– И заплатят за нее бешеные деньги?

– На бешеные мы с вами пока рассчитывать не можем, – улыбнулся Авербух. – Но когда ваше имя прогремит...

– Я не собираюсь превращать его в бренд. И не планирую коммерциализировать свою деятельность...

– А что планируете? Лечить бабушек за банку огурцов? Так я вам скажу – скоро вся Москва, если не Россия, выстроится у вашей двери. Больные, наркоманы, пьяницы, шизики и просто любители халявы. Соседи напишут жалобу, и вы вынуждены будете снять офис для того, чтобы принимать пациентов. Аренда недвижимости нынче очень дорога, к тому же вам потребуются секретарь и охранник, и все равно придется брать с бабушек деньги.

Авербух еще много говорил умно и убедительно. Упирая на то, что часть заработанных денег можно пустить на исследование паранормальных явлений. И Василий сдался.

Когда Радик окончил институт, у отца уже было имя. Открытый Авербухом центр «Кармический лекарь» процветал. Кроме Василия, с ним сотрудничали еще пятеро экстрасенсов. Но ни один не дотягивал до его уровня. Василий был главной звездой центра. К нему на прием записывались за месяц.

– Тебе, Василий, надо взять ученика, – предложил как-то Авербух. – Переложить на него часть работы.

– Я давно об этом думаю. Мне на самом деле нужен ученик. Но не затем, чтобы облегчить себе жизнь. Просто пора передавать кому-то знания. На обучение уйдут годы, а я уже не молод. Пора определяться с кандидатом и начинать...

– А ты еще не определился? – удивился Авербух. – Я думал, тут дело решенное, в ученики ты возьмешь сына.

Василий помрачнел.

– К сожалению, Родион не годится. Он слишком слаб.

– Но ты же сам говоришь, способности можно развить...

– Они у него минимальны. Увы, из Родиона не выйдет сильного экстрасенса. А слабый ученик мне не нужен.

– А ты ему об этом говорил? – осторожно спросил Авербух.

– Намекал. И не раз.

– Пора сказать открытым текстом, потому что Родион уже изъявил желание работать в нашем центре. И настаивает, чтобы его величали потомственным колдуном, сыном и преемником великого Василия.

– Хорошо, – мрачно кивнул Разин. – Я поговорю с ним...

Но этого не понадобилось. Радик сам все слышал. Он стал невольным свидетелем беседы Василия с Авербухом. Слова отца наносили ему душевные раны такой глубины, что Радковский стонал, как от физической боли. Последний его возглас был услышан Василием.

– Сынок? – с болью в голосе проговорил он. Знал, какой ранимый Родион, и понимал его страдания.

– И кого же ты, отец, собрался сделать своим учеником? – проглотив ком в горле, спросил Радик.

– Я не знаю пока...

– Влада?

Радик ждал ответа, как приговора. Влад Карский, красивый рыжеволосый парень баскетбольного роста, был его головной болью. Он появился из ниоткуда и сразу завоевал доверие отца. Василий, оценив экстрасенсорный дар Влада, настоял на его немедленном трудоустройстве. Карский был единственным, кого взяли по протекции Василия. Остальных находил Авербух.

Кроме всего прочего, Влад нравился женщинам. Был умен, добр, щедр... Идеален! На его фоне проигрывал практически каждый...

– Папа, ответь! – повысил голос Радик. Получилось визгливо, по-петушиному. Пришлось замолчать, сглотнуть и только после этого повторно задать вопрос: – Ты хочешь взять в ученики Влада?

– Возможно... У него огромный потенциал.

– А у меня, значит, нет? – горько усмехнулся Радик.

– Сын, в этом нет ничего постыдного. Более того, я считаю, что это скорее благо, чем наказание. Экстрасенсорный дар – великая ноша. Нести ее тяжело...

– Но я хочу! Я мечтаю об этом с детства...

– Прости, – только и мог сказать Василий.

– Значит, ты отказываешься от меня?

– Только как от приемника. Но ты навсегда останешься моим сыном.

– Нет у тебя больше сына! – взвизгнул Радик и убежал.

В тот же день он собрал вещи и переехал к бабке – матери покойной Надежды. Василий пытался с ним помириться, но Радик был смертельно обижен и не желал этого. Отец решил дать сыну время. Он верил в то, что Радик, повзрослев, поймет, как был не прав. А чтоб тот не чувствовал себя совсем обделенным, освободил ему квартиру и сам съехал на съемную. Все равно там он только спит, и то не всегда. Порой остается в офисе на кушетке. Зачем ему большая квартира? А парню нужна. Ему жизнь налаживать надо, жениться. Авось в семейных заботах позабудет о своей блажи. Родион хороший психолог. Вот чем ему надо заниматься. А не экстрасенсорикой!

Но Радик верил в свою силу. И был убежден, что наступит день, когда отец поймет, как ошибался на его счет.

Младший Разин стал заниматься частной практикой. Он

нарек себя великим черным магом (от противного – отец белый, значит, он черным будет), снял полуподвал, завесил стены темной материей, черепами животных, колдовскими амулетами и открыл свое агентство. Давая рекламное объявление, в перечне своих услуг он указал почти все: начиная от снятия порчи и заканчивая лечением алкоголизма. Первый клиент появился спустя две недели. Бабушка, которая по фотографии хотела найти пропавшего внука. Радик долго «сканировал» фотографию рукой, не забывая при этом расспрашивать старушку о ее блудном родственнике. Узнав о том, что парню семнадцать и он любит потусоваться, Радик сделал вывод:

– Все в порядке с вашим внуком, бабушка. Он с друзьями находится вот тут! – Он ткнул наугад в карту. Попал на Петербург. – Вернется скоро.

Старушка ушла с сеанса окрыленной. Но спустя три дня явилась к Радик у совсем в другом настроении. Она обзывала его шарлатаном, плакала и требовала вернуть назад деньги. Оказывается, ее внука нашли в канализационном люке мертвым. Парня убили и столкнули туда. По словам следователей, это произошло пять дней назад.

– Они ошибаются, – не спасовал Радик. – Или намеренно вводят вас в заблуждение. Три дня назад он был жив. Он собирался вернуться домой. Именно потому, что чувствовал опасность....

Радик еще долго внушал женщине мысль о том, что прав

он, а не следствие, и сумел-таки ее убедить. Пообещав ей провести бесплатный спиритической сеанс с душой ее внука после сорокового дня, он выпроводил старушку.

Когда она ушла, Радик испытал облегчение. Но лишь на мгновение. Потом пришла досада на себя. Он вспомнил свои ощущения в те минуты, когда водил рукой над фотографией пропавшего подростка. Кожа оставалась теплой. А если верить отцу, экстрасенс чувствует смерть через холод. Его пробирает до костей, и не остается сомнений в том, что человека с фотографии нет среди живых. Василий не ошибся ни разу. Даже если «сканировал» снимок, запечатанный в конверт. Он просил сына брать фотографии разных людей, даже журнальные, скрывать их в непроницаемых бумажных пакетах и давать ему. Нескольких прикосновений руки было достаточно для того, чтобы Василий сделал правильный вывод. Радик потом втайне от отца пытался повторить это, но попадал в точку через раз, а то и реже. Чем больше Радик тренировался, тем чаще стал угадывать. Он уже решил, что развил свой дар, и тут такое разочарование. Отцу одного взгляда на фото было бы достаточно, чтобы понять – подростка нет в живых. Ведь снимки умерших насильственной смертью обладают особой энергетикой. Отец, когда еще верил в Радика, объяснял ему это. Учил понимать разницу. От снимка покойника идет холод. Но если причиной смерти стали не старость или болезни, то к нему еще прибавляется жар в тех местах, где были нанесены раны. А фотографии самоубийц

еще и парализуют. Пусть на мгновение, но этого достаточно, чтобы понять...

Радику казалось, что он освоил эту науку. И тут выяснилось...

«Просто это не мой конек, – успокоил себя Радик. – А вот что у меня реально здорово получается, так это снимать порчу или сглаз...»

Причем сам Радовский в глубине души понимал, что работает в этом случае не столько как экстрасенс, сколько как психолог. Но он гнал от себя эти мысли. Сын ТАКОГО отца не может не обладать ДАРОМ... Ему просто надо разобраться, в чем он...

Или получить его от родителя!

Радик знал о том, что ДАР передается. Он читал об этом. Якобы колдун, ведун, шаман, прорицатель, кто угодно, обладающий силой, перед смертью совершает определенный ритуал. Обычно преемник выбирается из детей или внуков. Чаще внуков, потому что считается, будто все передается через поколение. Будь то рыжий цвет волос или талант. Не зря же говорят, что на детях знаменитостей природа отдыхает. Радик категорически не желал это принимать. Он был уверен, что станет преемником своего отца, великого Василия...

Он, а не этот выскочка Владик!

Радик впервые за два года решил поговорить об этом с отцом. Без эмоций, спокойно. Он позвонил, чтобы договориться о встрече. Василий, услышав голос сына, очень обра-

довался. Пригласил его в гости. И Радик поехал...

Вот только разговора не получилось. Едва сын затронул волнующую его тему, Василий рассердился.

— Я думал, ты соскучился! — воскликнул он. — А ты... Гордыни в тебе много, Родион. И даже если б твой дар был сильнее, чем есть, я не сделал бы тебя своим преемником.

А после добавил, что если сын только за этим пришел, то может уходить.

Радик, хлопнув дверью, удалился. Но долго еще бродил вокруг дома, стоял под окнами отцовской квартиры, а потом, когда тот вышел выкинуть мусор (очевидно, мусоропровод, имеющийся в подъезде, забился), последовал за ним...

Зачем? Он и сам не знал. Его как будто некая неведомая сила вела. Шел снег. Завывал ветер. Было холодно. В глазах туман. В голове шум. Но надо идти...

У мусорных баков были кошки. Много. Они шипели. Радик ненавидел кошек и воронов. Особенно отцовского, Карла. Тот кружил над головой отца и каркал надрывно, пугающе, отвратительно. От его карканья Радику становилось не по себе. Хотелось убежать, чтобы не слышать. Но надо идти...

Зачем? Он и сам не знал.

Он сделал несколько шагов. Больше не смог. На глаза упала непроницаемая пелена. Последнее, что он увидел, это был ворон. Тот летел прямо на него...

Вот как сейчас!..

– Уберите птицу! – взвизгнул Радик, закрыв лицо руками.

Девушка, впустившая его в квартиру, попыталась схватить Карла, но тот увернулся и снова ринулся на «врага» с явным намерением выклевать ему глаза. Радик попятился, собираясь выскочить в подъезд. Но тут из кухни выбежал какой-то мужчина с курткой в руке. Накинув ее на Карла, он прижал трепыхающуюся птицу к груди, затем швырнул ее в комнату и закрыл дверь.

Ворон возмущенно каркнул, раза два стукнул клювом в дверь, но потом успокоился.

– Сумасшедшая птица! – визгливо выкрикнул Радик. – Таких нельзя держать в квартире.

– Но ваш отец держал его, и ничего, – заметил «спаситель». Радовский внимательно посмотрел на мужчину. Лицо вроде знакомое. Но он не смог вспомнить откуда.

– А вы, собственно, кто? – спросил Радик.

– Роман Акимин. Журналист. Пишу статью о Василии.

– Ах, вот оно что... – И он наконец вспомнил Акимина. Радик видел его фото в журнале, который постоянно читал. И мечтал попасть в качестве героя какой-нибудь статьи на его страницы. – Это вы пишете для ежемесячника «Паранорма»?

– Да.

– Я читал некоторые ваши статьи. Хорошо пишете.

– Спасибо.

– Что привело вас ко мне? – прервала их «светскую» бе-

седу Нина.

– Мне сказали, что вы нашли моего отца. Это так?

– Так.

– Вот я и пришел... Спросить.

– О чем?

– Он был мертв, когда вы его нашли?

– Почему все мне задают один и тот же вопрос? – нахмурилась Нина. – Это так важно?

– Для меня – да. Дело в том, что мы были с папой в ссоре последние два года. И я думал, что, возможно, если он был жив, когда вы его обнаружили, отец вам что-нибудь сказал. Хоть что-то? Вдруг эти слова предназначались мне...

– Ничего он не говорил, – буркнула Нина.

А Акимин спросил:

– О своих взаимоотношениях с отцом вы следствию рассказали?

– Конечно. Я ничего не скрыл. Да и какой смысл? О нашей ссоре многие знают. Но сегодня мы попытались наладить контакт. Я был у отца в гостях, мы поговорили. Потом я поехал домой, но что-то заставило меня вернуться. Я почувствовал неладное. И чутье не подвело. Когда я подходил к папиному дому, возле него стояла полицейская машина и труповозка. Я сразу понял – с отцом что-то случилось.

– Вы, насколько я знаю, тоже экстрасенс?

– Да, – с достоинством ответил Радик.

– Значит, вы можете увидеть картину происшествия. Не

пробовали?

– Конечно, пробовал. Пока картина слишком беспорядочна. Мешают эмоции. Я даже не могу понять, как он умер.

– Его ударили острым предметом в сердце, – сказал Акимин. – Каким именно, не известно. Из раны его вытащили. Скорее всего, Василий некоторое время был жив.

– Откуда у вас эта информация? – поинтересовалась Нина.

– Я знаю одного из оперов. Раньше сталкивались, когда я на криминальных репортажах специализировался. Вот он мне и рассказал.

Тут в прихожей раздался шум. Это Карл каким-то чудом выбрался из «темницы». Подпрыгивая и хлопая крыльями, он несся на Радика. На этот раз Акимин не успел вовремя среагировать, и птица взлетела и долбанула Радовского клювом в лицо. Попала не в глаз, а в скулу, так как парень успел увернуться. Из раны брызнула кровь. Нина вскрикнула, а Акимин бросился на ворона с полотенцем. Скрутил его и вышвырнул на лоджию.

К Радик у тут же подскочила Нина. В руке у нее был пакет с ватными дисками. Она вытащила несколько, приложила к ране.

– Почему Карл так агрессивно на вас реагирует? – спросил Акимин.

– Понятия не имею, – буркнул Радик.

– Может, вы его в детстве обижали?

– Он появился у отца всего пять лет назад. Я уже был не в том возрасте, когда из озорства мучают животных.

– Он всегда так вел себя с вами?

– Не любил меня всегда, но напал впервые.

– Надо рану промыть, – подала реплику Нина. – Дать перекись?

Радик кивнул. Водянова провела его в ванную, принесла пузырек с перекисью и пластырь. Радовский закрыл дверь и приступил к обработке раны. Она оказалась небольшой, но глубокой.

Крови из нее вытекло прилично. Весь ворот был испачкан. Радик постарался замывать пятно, но получилось плохо. Плюнув, он хотел выйти из ванной и тут заметил еще одно пятно. Уже на рукаве. Но не свежее, а задубевшее. И на запястье правой руки запеклась кровь.

Откуда она? Если на теле нет порезов?

Ответ пришел тут же и был так неожидан, что Радик покачнулся, точно его ударили.

Это кровь отца! Радовский прикоснулся к нему... истекающему кровью.

Вот и испачкался!

Радика охватил приступ паники. Он начал яростно намыливать руки. Кровь размазывалась, но не смывалась. Или ему так казалось? Ведь мыло было земляничное, розового цвета...

– Радик, у вас все в порядке? – послышалось из-за двери.

– Да, да... – проблеял он. И, кашлянув, чтобы голос звучал пристойнее, добавил: – Выхожу.

Он смыл мыло. Крови не осталось. Радик вытер насухо руки, наклеил на рану пластырь и вышел из ванной.

Акимин находился в прихожей, обувался. Нина стояла поодаль. Куталась в пуховик.

– Вы аспиричку примите, – посоветовал ей Роман. – И ложитесь в кровать.

Нина кивнула. У нее был больной вид. Пожалуй, ей действительно необходима таблетка. Да не одна!

У самого Радика, похоже, вид был не лучше. Едва взглянув на него, Нина обеспокоенно спросила:

– Вы точно нормально себя чувствуете?

Радовский кивнул. Затем коротко попрощался и покинул квартиру.

Глава 6

Радика трясло. Да так сильно, что он не сразу смог попасть ключом в замочную скважину. Когда у него наконец это получилось, он открыл дверь и ввалился в квартиру точно пьяный. Едва не упал, как будто из-за алкоголя еле держался на ногах. Но Радик был абсолютно трезв. Трясти его стало еще в метро. И не просто так. Радовский сидел с закрытыми глазами, дожидаясь, когда объявят его остановку, и тут вдруг перед глазами всплыла картина...

Темнота. Пурга. Ветер. Мусорные баки. На снегу чуть припорошенные следы и... Кровь! Радик не видит, что это именно кровь, темно, и капли ее кажутся просто темными пятнами, но он знает точно: это не краска и не какой-нибудь кетчуп, а именно она... Кровь!

Кровь его отца. Сам он лежит на снегу. Радик над ним. И тянет к нему руку, желая коснуться...

Картинка исчезла так же неожиданно, как и возникла. Радик открыл глаза. За окнами мелькали колонны, переходы, лавочки станции, к которой они подъезжали. Не сразу Радовский понял, что это именно его остановка. А все из-за озноба и шума в ушах. Состояние было похоже на то, в котором он пребывал, когда стоял над отцом.

Радик вышел из вагона. Но направился не к эскалатору, а сел на лавку. Было тревожно. Очень. И холодно. Как будто

он до сих пор находится там, у баков, обдуваемый ветром, осыпаясь снежной трухой...

Стоит над умирающим отцом и тянет к нему руку, желая коснуться, чтобы заполучить ДАР!

– Молодой человек, вам плохо? – услышал Радик участливый женский голос. И, подняв глаза, увидел пожилую женщину, обеспокоенно вглядывающуюся ему в лицо.

Он покачал головой, затем тяжело встал и зашагал к эскалатору.

Путь до дома занял немного времени, минут десять. Он жил возле метро. Пока шел, думал об одном... Он коснулся отца. Это совершенно точно. До того, как тот умер, Радик умудрился схватить его за ладонь. А коль так...

ДАР теперь ЕГО!

Оказавшись в квартире, Радовский, не раздеваясь, проследовал в комнату. Ему не терпелось проверить унаследованные способности.

Трясаясь всем телом, он выхватил из семейного фотоальбома первый попавшийся снимок. Опустил его изображением вниз. Поднял над ним руку, закрыл глаза и прислушался к ощущениям. Тепло его ладони? Холодно? А может, какой-то участок тела засвербит? В их семье был один родственник, мамин двоюродный брат, он трагически погиб, попав под поезд. И в альбоме осталось несколько его фотографий. Радик запросто мог вытащить одну из них.

Он долго сидел с закрытыми глазами, вода над снимком

рукой, и ничего не чувствовал, но не желал сознаться в этом даже самому себе. Включив память и логику, стал прикидывать, какой снимок мог оказаться в его руках. Из всех, кто был запечатлен на семейных фотографиях, в живых остались единицы. Он, Радик, мамина мама да тетка отца с юга. Но их снимки были в середине альбома, а он взял из начала. Значит, он «сканирует» фото покойного. Сделав такой вывод, Радик ощутил легкий холодок. Он пробежал по всему телу и тут же исчез. «Бабушка! – понял Радик. – Мамина мама. Она умерла от переохлаждения. Стала закаляться, но не рассчитала сил своего организма...»

– Бабушка! – вслух сказал Радик. После чего перевернул снимок изображением вверх.

Каково же было его разочарование, когда он увидел собственную физиономию. Снимок оказался десятилетней давности, и его сделал приглашенный в школу фотограф.

Радовский, выругавшись, швырнул его на пол.

– Не может быть! – закричал он в полный голос. – Нет, это невозможно!

Тут же в квартире раздался металлический звук. Это соседка снизу, склочная бабка, колотила по батарее. Так она выражала свой протест. Ей не нравились громкие звуки. И если Радик, к примеру, включал музыку чуть громче обычного, она принималась стучать.

– Да пошла ты! – проорал Радик. Но этого ему показалось мало, и он подлетел к батарее и шарахнул по ней кулаком. –

Сука!

Выместив свою ярость, Радовский буквально рухнул на диван. Его душили слезы, но он не позволил себе заплакать. Он уже не маленький, должен справляться с эмоциями. В детстве он был страшным плаксой. Чуть что – в слезы. Ему пришлось много работать над собой, чтобы не распускать нюни при всех. И годам к двенадцати у него стало получаться. Но не рыдать наедине с собой Радик научился лишь к восемнадцати, уже став студентом вуза, он нет-нет да срывался. И как девчонка рыдал в подушку, вспоминая унижительное прозвище Клоп или очередной отлуп понравившейся девушки.

В последние два года Радик совсем не плакал. Даже услышав от отца «приговор», не оросил свою подушку слезами. Это было довольно легко. Но сегодня...

Радик сцепил зубы, сжал кулаки, зажмурился.

«Не реветь, не реветь, не реветь!» – как заклинание повторял он.

Слезы перестали жечь глаза. Ком в горле рассосался. Радик поднялся с дивана и отправился в кухню, чтобы поесть. Как ни в чем не бывало он наложил огромную тарелку макарон с тушенкой (он никогда не был гурманом, питался просто, если не сказать, примитивно, только к сладостям испытывал слабость), поставил ее в микроволновку и стал ждать, когда еда нагреется. За десять секунд до сигнала раздался другой. Это был звонок в дверь.

Радовский пошел открывать. Он надеялся, что явилась склочная соседка, и тогда он выпустит пар, наорав на нее. Но его надежды не оправдались. Пришла Ира.

Ира Малова была единственной женщиной, которая любила Радика. Не сейчас, а вообще. Даже мать не баловала его этим чувством, не говоря уже о девушках. Радик не пользовался у них успехом. И только Ира считала его самым лучшим. Высоченная, худющая, ширококостная, нескладная, асексуальная, она не вызывала у Радика никаких пылких чувств. И только ее слепая любовь к нему делала ее хоть чуточку желанной.

Ира училась с Радиком на одном курсе. Мешковатая одежда, толстые очки, неопрятная коса – Малову никто не замечал. Хотя она была умна и иронична. Да и дурнушкой ее назвать трудно. Обычная девушка, разве что неухоженная. Но на их курсе учились в основном девушки, и парням было из кого выбрать. Малову никто не выбирал. В том числе Радик. Он в первый же учебный день влюбился в самую красивую девушку курса и тайно страдал по ней все пять лет учебы, предпринял одну-единственную попытку добиться ее расположения, но был не только отвергнут, но и высмеян. После этого Радик твердо решил, что не станет никого добиваться. Пусть женщины сами за ним бегают. И не сомневался, придет тот час, когда это случится. Рано или поздно он добьется успеха, станет известным экстрасенсом, заработает кучу денег, и тогда...

Малова влюбилась в Радика Радовского, когда он еще был Родионом Разиным по кличке Клоп. На втором курсе, кажется. Ира никогда не рассказывала своему избраннику, когда точно это случилось. А все потому, что боялась его обидеть. Ведь полюбила она его как раз после того, как его осмеяла первая красавица курса. Она увидела, что Радик изо всех сил пытается справиться со слезами, пожалела его и... Полюбила!

На следующий день она подсела к нему и заговорила. Радик нехотя поддержал беседу. Но сам не заметил, как увлекся ею. Ира оказалась интересным собеседником. Радик не воспринимал ее как женщину, поэтому не пытался что-то из себя корчить, оставался самим собой, и ему это нравилось.

С того дня зародилась их дружба. Радик совершенно искренне считал, что Ира к нему относится так же, как он к ней. То есть с одной лишь приятельской симпатией. И если б ему кто-то сказал, что она в него влюблена, он бы не поверил. Даже когда Ира обнимала его, он не видел в этом ничего сексуального. Подумаешь, руку на шею положила. Многие мужики так делают, когда футбольному голу радуются. А женщины вообще постоянно целуются при встречах. Но они же друг друга не любят!

О чувствах Иры Радик узнал год спустя. Был праздник, 8 Марта. Радовский и не думал с ним подругу поздравлять, он воспринимал ее как некое бесполое существо, но она ему на День защитника Отечества преподнесла потрясающий пре-

зент. Серебряный браслет с ониксом. Где только нашла такой! Пришлось Радику делать ответный жест. Но так как украшений Ира не носила, зато много читала, он приобрел для нее отличную энциклопедию мировых традиций. Он думал, что Малова придет от подарка в восторг. Но она сухо поблагодарила его и ушла в ванную. Вернулась оттуда с красными глазами. Радик недоуменно спросил:

– Что с тобой?

– Все в порядке...

Радик начал злиться:

– Не ври! Ты плакала. Почему?

Ира насупилась.

– Неужто я подарком не угодил? – пошутил Радовский. И заметив, как дрогнуло лицо Иры, возмущенно воскликнул: – Так ты правда из-за подарка? Дура, что ли, совсем? Если не понравился, выкини. Я не обижусь!

– Нет, почему же, понравился...

– А чего тогда?

– Ну просто я другого ждала!

– То есть?

– Это же не Новый год, а Восьмое марта. Женский день.

– И что?

– Принято дарить цветы.

– На черта тебе веник? Он завянет. А книга – лучший подарок.

– Да как ты не понимаешь?.. Цветы – это так романтично.

– Романтика-то тут при чем? Ты что, девушка моя, чтоб я...

И тут Радик все понял! Трудно было не прозреть, когда на тебя так смотрят...

Ира, уловив в глазах Радовского понимание, обреченно выдохнула:

– Да, я люблю тебя.

Радик ожидал чего угодно, но не таких громких слов. Ира могла сказать: «Ты мне нравишься!», и эту фразу он воспринял бы нормально. И, возможно, разрядил бы напряжение какой-нибудь шуткой. Но Малова оглушила его своим признанием в любви. Как кувалдой по голове ударила!

Ира ждала, что он что-то скажет в ответ. Хотя что-нибудь... Но Радик сидел как истукан и молчал. Затем встал с дивана и вышел из комнаты. Спустя несколько секунд Ира услышала, как хлопнула входная дверь.

На следующий день они встретились в институте. Радик сухо поздоровался, прошел мимо Иры и сел не как обычно рядом, а в другом конце аудитории. После лекции он мгновенно вскочил и двинулся к выходу, но Малова догнала его.

– Почему ты убегаешь? – спросила она.

Он пожал плечами.

– Не знала, что ты такой трус!

– Теперь знаешь, – хмыкнул он и собрался уходить.

– Радик, стой. Давай поговорим.

– Да не знаю я, как теперь с тобой разговаривать!

– Почему?

– Я воспринимал тебя как друга, а ты, оказывается... – Он не договорил, поморщился.

– Просто я подумала, что и ты, возможно, меня... – И тоже не смогла закончить фразу.

– Ира, мы друзья. И только.

– Хорошо, – покорно кивнула она. – Друзья так друзья. – И, выдавив улыбку, предложила: – Пошли, что ли, пожрем?

Больше они к любовной теме не возвращались. Но Радик знал, чувства Иры не прошли, и это грело его душу. Особенно в последнее время. Ведь за годы, прошедшие с того дня, когда Ира призналась ему в любви, ни одна женщина не сделала того же. Радик не слышал ни от одной из своих многочисленных пассий даже жалкого «ты мне нравишься». Они, как попугаи, твердили: «Ты такой странный» – и после нескольких свиданий прекращали общение с ним. У него и секс был всего с тремя. Причем одноразовый. Когда последняя девушка пропала после ночи «любви», Радика начали грызть сомнения. Он всегда считал себя хорошим любовником. Ему никто этого не говорил, он сам сделал такой вывод, потому что всегда старался доставить женщине удовольствие. Продлевал, сколько мог, половой акт, изощренно ласкал. Он из кожи вон лез, чтобы услышать услаждающую слух фразу: «Так хорошо мне еще не было...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.